

Миром правит
любовь!

О л ь г а
ЕГОРОВА

Синдром
Дездемоны

Ольга Егорова

Синдром Дездемоны

«Автор»

2009

Егорова О.

Синдром Дездемоны / О. Егорова — «Автор», 2009

ISBN 978-5-17-054207-9

Юля, крошечная дочурка преуспевающего бизнесмена Тихона, похищена. Похитители требуют за возвращение ребенка фантастическую сумму... Тихон готов на все, лишь бы получить свою дочь обратно целой и невредимой. Незадолго до встречи с бандитами он видит в парке молодую красавицу с коляской и узнает в ребенке... похищенную Юлю! Вот тут-то и начинается все самое интересное. Зачем незнакомка похитила ребенка? Или она ни в чем не виновата? Тогда каким образом Юля оказалась у нее дома? Загадок – тьма-тьмущая. И Тихону предстоит их решить. Справится ли он? Время покажет...

ISBN 978-5-17-054207-9

© Егорова О., 2009

© Автор, 2009

Ольга Егорова

Синдром Дездемоны

– ... и вообще, ну неужели так трудно это понять?! У меня съемки для журнала «Вог» в четверг! У меня встреча с Татьяной Романюк в пятницу! У меня показ в доме Моды Славы Зайцева на следующей неделе! У меня, наконец, контракт на два года с «Луи Вуиттон»! С Луи Вуиттон, если тебе, конечно, это имя хоть о чем-нибудь говорит! Мне в начале мая в Милан лететь! Мне работать надо, карьеру делать, понимаешь?! Ну, и на кой черт он мне сдался, это ребенок?! А ты – его отец!

При слове «ребенок» голос Натальи, и без того от природы очень высокий, сбился на настоящий поросячий визг. Колоратурное сопрано в чистом виде!

Тебе бы в оперном театре партию Кармен исполнять, лениво подумал Тихон, а не ногами на подиуме дрыгать.

Впрочем, оперной певицы из Натальи не могло получиться по определению. На большой сцене, кроме голоса, еще и голова нужна, чтоб все эти арии наизусть запоминать, да и актерский талант не помешает. У Натальи же не было ни мозгов, ни таланта, а были одни только ноги, растущие от шеи, и непомерные глупые амбиции.

И угораздило же его влюбиться в эти ноги три года назад! А главное, угораздило же на этих ногах жениться! Слава богу, хоть хватило мозгов спустя два с половиной года с этими ногами развестись. И откуда он мог знать, что спустя шесть месяцев после развода обнаружатся столь неприятные последствия его глупого брака?! Ребенок! Он ей не нужен, видите ли! Можно подумать, он нужен ему! Можно подумать, ему не надо работать и делать карьеру! Она, видите ли, летит в Милан, где у нее контракт на два года с каким-то Луи Вуиттоном, чье имя, конечно же, Тихону ни о чем не говорило. А он, значит, должен все бросить и засесть дома, как в крепости, с пеленками, памперсами, сосками и бутылками с молочной смесью. С игрушками, погремушками и... с чем там еще?

Вот ведь, не было печали! Ребенок!..

Ребенок, завернутый в синее атласное покрывало и перевязанный атласной же синей лентой с большим бантом посередине, лежал на диване в гостиной, не обращая никакого внимания на горячие споры родителей о своей судьбе. Половину его лица закрывала соска с большим кольцом и пластмассовой основой в виде сердечка, на котором были нарисованы примерзкие голубые медведи. Эти медведи ужасно Тихона раздражали, и он все время хотел спросить у Натальи, почему они голубого цвета, ведь таких медведей не бывает в природе! Но она все говорила и говорила, все объясняла и объясняла, и вставить в ее истеричный монолог невозможно было ни слова, ни полслова. Когда же наконец Тихону удалось поймать паузу на вдохе и вклинить в этот словесный понос, ничего хорошего из этого все равно не вышло.

– Я только не понимаю, почему... – начал было он задавать вопрос про голубых медведей, который почему-то в данной ситуации волновал его больше всего, как Наталья тут же завизжала:

– Потому что! Потому что ты его отец!! Ты!! Ты!! Неужели непонятно?!

Тихон вздохнул. Ребенок продолжал мирно спать, время от времени потягивая соску.

Станный какой-то был ребенок, совершенно не реагировал на громкие звуки.

– Он что, глухой? – озабоченно поинтересовался Тихон, разглядывая сверток. Вот ведь, не зря говорят: пришла беда – открывай ворота. Не хватало еще, чтоб этот ребенок, и без того ему совершенно не нужный, оказался еще и больным. Не хватало еще таскаться с ним по больницам и снабжать его слуховыми аппаратами.

– Не знаю, – оторопело проговорила Наталья, от удивления слегка понизив голос. – А почему ты решил?

– Потому что ты тут орешь так, что штукатурка с потолка сыплется. А он спит, не просыпается. Значит, не слышит ничего?

– Не знаю, – задумчиво повторила Наталья. – Может, и глухой.

Помолчала секунду и снова вернулась на атакующие позиции:

– Значит, если он глухой, то он тебе не нужен, да?! Значит, надо сдать ребенка в детдом, если он родился больным, да?! Бросить его, сиротой оставить?! Тихон, опомнись, ведь ты его родной отец!! Ребенок не виноват в том, что у него дефект слуха!!

Тихон снова вздохнул.

Он не видел Наталью ровно полгода и даже не знал, что она беременна. И вообще-то, это еще нужно было доказать, что именно он – родной отец. Родным отцом этого ребенка мог теоретически оказаться кто угодно. Потому что в то время, когда он был зачат, они с Натальей были на грани развода и спали в одной постели крайне редко. Можно сказать, совсем не спали. А сама Наталья почти не скрывала того, что у нее роман с каким-то там оператором из редакции новостей первого канала. А также с фотографом из дома моды Славы Зайцева. А так же с самим Славой Зайцевым, и еще...

И какого черта он теперь должен воспитывать ребенка какого-то там фотографа, оператора или даже всемирно известного модельера? К тому еще и глухого?! Ему что, делать больше нечего? Или у него здесь приют для бездомных глухих детей?!

Ничего этого он Наталье, конечно же, не сказал. Столь длинный монолог был технически не возможен. Ему удалось лишь, снова поймав ее на вдохе, напомнить:

– Но ведь ты его мать, Наташа!

Наталья от такой неслыханной наглости поперхнулась воздухом, с видимым усилием проглотила очередную автоматную очередь бранных слов и горестно вздохнула:

– Ну что ты, Тиша! Я – мать! Ну какая же я мать?!

– Как – не мать?! Не ты, что ли, его родила? – ошалевшими глазами уставившись на бывшую жену, осведомился Тихон. Интересное кино! Притащила в дом ребенка, совершенно чужого, глухого, непонятно кем и от кого рожденного, и требует от него, чтобы он теперь этого ребенка воспитывал. Совсем, что ли, крыша съехала у бывшей супруги на почве закулисных подиумных интрижек? Или бесконечные вспышки фотоаппаратов ей разум ослепили?

– Да я, я, – успокоила Наталья. – Я родила, не переживай! Я имела в виду другое! В том смысле, что какая из меня мать-то? Я же модель, манекенщица, понимаешь?

– А, – выдохнул Тихон. – Вот в чем дело. Ну, а зачем же ты тогда его... В общем, зачем рожала, если ты не мать, а манекенщица? Можно ведь было...

– Да нельзя было, Тиша! В том-то все и дело, что нельзя! Так вышло, понимаешь, что я о беременности узнала слишком поздно, когда уже нельзя было... Ну, организм у меня такой... странный, понимаешь?

Тихон кивнул: понимаю.

И организм у тебя странный, и сама ты странная. Только ведь это, дорогая, твои, а не мои проблемы.

Ситуация начинала действовать на нервы. Тихон достал из кармана штанов пачку сигарет, щелкнул зажигалкой и с жадностью затянулся.

– Не надо курить при ребенке, – укорила Наталья. – Ему это вредно.

– Он все равно спит, – невразумительно ответил Тихон, поискав взглядом пепельницу. Она обнаружилась на стеклянном журнальном столике метрах в пяти от дивана. – Лучше подай пепельницу, больше толку от тебя будет.

Наталья покорно зашагала, покачивая тощими бедрами, в сторону стеклянного столика, вернулась и подала Тихону пепельницу с неким подобострастием. Надо же, удивился он мысленно, какие мы стали покорные. Прямо как восточные женщины, у которых муж – господин.

– Ну, Тиш, что ты решил? А, Тишенька?

– Не называй меня Тишенькой. Терпеть не могу эту кошачью кличку. Сто раз уже тебе говорил.

– Хорошо, Тихон, не буду. Ну, что ты решил?

Тихон вздохнул в третий раз. Кажется, здесь все давным-давно без него уже решили. А ему только и остается покориться судьбе. Ну, не выбрасывать же, в самом деле, этого ребенка на улицу? Не котенок и не щенок, все-таки. Придется, наверное, его все-таки оставить.

– Эх, Наталья, – задумчиво проговорил он себе под нос. – И откуда ты вязалась такая... вывихнутая? Ну, скажи, чего тебе от жизни надо, а?

– Мне, Тиша, от жизни надо всего, – охотно и сразу откликнулась бывшая супруга. – Всего, понимаешь? Богатства, славы, острых ощущений, эмоций, чувств! Я родилась, чтобы жить, а не прозябать, влачить существование! И я только теперь почувствовала, что живу наконец! Только после того, как от тебя ушла... Ты уж не обижайся!

– Понятно, – Тихон обижаться не стал. Смял в пепельнице половину сигареты и поставил пепельницу на пол. – Значит, только теперь жить начала. А со мной прозябала и влачила существование.

– Я знаю, тебе неприятно это слышать. Но ты, Тиша, не настоящий мужчина. Настоящий мужчина прежде всего должен быть способным обеспечить своей женщине... все.

– А я тебе не все обеспечивал? – лениво поинтересовался Тихон, в глубине души совершенно не согласный с подобным определением цели жизни настоящего мужчины. – Квартира эта огромная в престижном районе, машина ценой в пятьдесят тысяч баксов, заграничные курорты по пять – шесть раз в год, шмотки от кутюр, цацки, салоны твои бесконечные... Это – не все?

Во рту от сигаретного дыма было кисло, а от сказанных слов на душе стало тяжело. Не надо было начинать все это. Не по-мужски как-то, в самом деле, женщине о потраченных на нее средствах напоминать. Все равно что куском хлеба попрекать, а это ведь самое последнее дело!

– Это все ерунда, Тиша. И ты сам это прекрасно знаешь. Сегодня этим никого не удивишь, каждая пятая малолетка такую же машину, как у меня, имеет, и в тех же салонах, куда Филипп Киркоров ходит, маникюр себе делает!

– Значит, – Тихон усмехнулся, – Филипп Киркоров для тебя не авторитет. Что ж, это обнадеживает.

– В каком смысле? – не поняла Наталья.

Она ведь всегда была такой, не понимала самых простых вещей. И чувство юмора у нее отсутствовало в принципе. И угораздило же его на ней жениться?

– Ни в каком. Проехали, Наташа.

– Проехали – так проехали. Ну, так что с ребенком-то? Ты его возьмешь? Тиш, решай быстрее, я на массаж в салон записалась, опаздываю! Мне массаж нельзя пропускать. У меня после родов... В общем, не важно! – Наталья нахмурила тонкие черные брови, хлопнула длинными черными ресницами, упакованными в тушь от известного французского производителя, сложила бантиком пухлые губы, покрытые полупрозрачной лиловой помадой от не менее известного производителя, наполнила сладкой грустью большие синие глаза, переступила длинными ногами в прозрачных чулках.

До сих пор, наверное, думает, что от этих ее гримас он способен потерять голову. Странная женщина.

– А твоя мама? Она не может взять его... себе? – Тихон выложил свою последнюю карту, заранее догадываясь, что окажется в проигрыше.

– Мама?! – синие глаза округлились и стали похожими на блюдца. – Моя мама?! Ну что ты, Тиша! Маме разве сейчас до этого? Ей личную жизнь нужно устраивать, она ведь со своим Альбертом месяц назад развелась и теперь совсем одна! Ты хочешь, чтобы моя мама на всю жизнь осталась одинокой? Подумай, ну кому она будет нужна с маленьким ребенком?! В ее-то годы!

Логика у бывшей жены была железной и непробиваемой. Тихон даже и не попытался ей возражать: конечно, он не хотел, чтобы ее мама осталась совсем одинокой. И чтобы она осталась неодинокой, тоже не хотел. Он вообще ничего не хотел относительно ее мамы. Ему, Тихону, эта самая мама вообще была по барабану, но не станешь же сейчас объяснять все это Наталье, провоцируя очередной всплеск истерики?

– Я не знаю, Наташ. Все это так неожиданно и... совсем не кстати. У меня ремонт в квартире...

– Собственный ребенок ему не кстати! – снова взвилась Наталья. – Ремонт у него в квартире! Да другой бы радовался на твоём месте, пел и плясал от счастья! Другие мужики после развода только и мечтают о том, чтоб бывшая жена хоть раз в неделю разрешила ребенка повидать, пообщаться с ним! И не каждая, слышишь?! не каждая! – бывшему мужу предоставляет такую возможность! По разным причинам. А ты!.. А тебе!.. На блюдечке, можно сказать, с золотой каемочкой... Тиша, Тихон, ну я прошу тебя... Это же не навсегда, всего лишь на два года! Два года пройдут, потом я вернусь из Италии... И заберу его к себе, правда-правда! Ну неужели у тебя нет совсем никаких отцовских чувств, Тихон?!

– Ладно. Все. Заткнись, пожалуйста, – не выдержал Тихон. – Надоела уже эта свистопляска. Не нужен тебе ребенок – оставляй. Я... придумаю что-нибудь.

– Конечно! – Наталья едва не прослезилась от счастья, услышав наконец то, что так надеялась услышать. Грубости его она и не заметила, а если и заметила, то простила сразу по такому радостному случаю. – Конечно, Тишенька... То есть, я хотела сказать, Тихон! Конечно, Тихон, ты что-нибудь придумаешь! Да тут и придумывать-то нечего! Нужно позвонить в агентство, и они сразу тебе пришлют няню! Няня будет ребенка воспитывать, а ты будешь спокойно жить своей жизнью, и ничто твой покой не нарушит! И ремонт свой ты доделать успеешь, пока он ползать начнет... Да и вообще, воспитывать ребенка – это не так уж сложно, наши родители ведь нас воспитали?!

– Особенно тебя, – буркнул Тихон. – Ну, хватит уже разговоров бестолковых. Зовут-то его как, этого ребенка?

– Его зовут Юлька.

– Юлька?!

Тихон аж дар речи потерял от такого поворота событий.

По логике вещей, это нечто, потягивающее соску, разрисованную голубыми медведями, должно было оказаться мальчиком.

– Это что – девочка?

– Ну да, девочка. Юлька если – значит, девочка! Непонятно, что ли? – изумилась Наталья.

– А почему же ты... Зачем же ты его... То есть, ее... В голубое-то нарядила? Ведь в голубое же обычно... мальчиков?

– Что было, в то и нарядила! – отрезала Наталья. – Какая разница? Мне на УЗИ сказали, что мальчик будет. Я и купила голубое все. Потом девочка родилась. Что, надо было идти и заново все покупать, что ли? А это куда девать? Выбрасывать?! Ну все, Тихон, я побежала! Меня внизу шофер ждет, массаж через двадцать минут, а на дорогах сам знаешь, какие пробки!

– Эй! – Тихон поймал бывшую жену за рукав коротенькой норковой курточки уже на пороге гостиной. – Ты хоть скажи... Скажи, что с ним делать-то? В смысле, с ней? Она же проснется... Есть захочет, наверное...

«Это сон, – подумал про себя Тихон. – Это такой кошмарный сон, который, наверное, сейчас кончится. Этого не может быть на самом деле, я же не дурак, не идиот какой-нибудь клинический, чтобы вот запросто взять и согласиться... Взять согласиться на такую... авантюру...»

– Ну, захочет есть – покормишь! – Наталья вскинула брови и смотрела на него, как на умственно отсталого.

– Да чем кормить-то?! – взревел Тихон. – Чем? Грудью, что ли?!

– Ты что? Грудью сейчас никто не кормит, плохая экология! Вот же, я тебе целый пакет еды оставила. И вот еще один пакет, там памперсы и погремушки! И свидетельство о рождении там же! И карточка медицинская! Не видишь, что ли?

– Вижу, – тихо ответил Тихон. – Даже о погремушках позаботилась...

Два огромных пакета на самом деле стояли возле двери в прихожей. Просто он их сразу не заметил. До пакетов ли ему было, когда, открыв дверь, он увидел бывшую жену с младенцем на руках!

– Наташ, – поинтересовался он, когда та уже схватилась за ручку входной двери, даря на прощание бывшему мужу одну из своих фирменных ослепительных улыбок. – А скажи, если бы... Если бы я, предположим, не согласился его оставить. Отказался бы от него... Ты бы что с ним сделала? Куда бы его дела?

– Не знаю, – Наталья пожалала узкими плечами, задумалась на минуту. – Отдала бы в детский дом, отказ написала бы. Мать-одиночка, меня никто бы и осуждать не стал. Но я, вообще-то, не сомневалась...

«... в том, что мой бывший муж – клинический идиот», – прочитал Тихон в ее глазах.

– ... не сомневалась, что ты не откажешься. И еще, знаешь, Тихон, я что сказать хотела... Ты не думай, пожалуйста, что я... В общем, что я тебя подставила, ребенка чужого тебе на шею повесила... Я бы никогда не стала, если б не была уверена, что он твой... Он твой, ты не сомневайся! Глазки черные, точь-в-точь твои!

– Она, – поправил Тихон, отводя взгляд.

– Какая разница, – равнодушно пропела Наталья с порога. – Ну все, пока! Удачи вам!

– Привет Луи Вуиттону, – буркнул в ответ Тихон.

Наталья весело рассмеялась и захлопнула дверь.

Некоторое время Тихон постоял в оглушающей тишине огромной полупустой квартиры. Эту квартиру на Балаклавском проспекте два года назад они выбирали вместе. Долго ходили по этажам строящейся многоэтажки, вместе сидели ночами над чертежами с планировкой, рассуждая, какую мебель купят в гостиную, в каком стиле оформят холл и какой формы зеркало будет висеть в спальне. Неужели все это было с ними? А раньше, еще раньше, за год до покупки квартиры – неужели это она, совсем юная, невероятно красивая, забавная девчонка-провинциалка держала его за руку на Пушкинском мосту и, смущаясь, тихо рассказывала о том, что давным-давно увидела во сне его лицо. Что именно поэтому, встретив его случайно, сразу узнала...

Он верил, верил, верил всем этим глупостям, как настоящий осел.

И теперь ненавидел себя за это.

И думал – интересно, все мужики такие ослы, или я такой один, единственный в своем роде экземпляр человека с мозгами парнокопытного? Ему ведь тогда было уже двадцать девять, и на своем веку он женщин повидал, и был уже сто раз обманут, и сам сто раз обманывал, и был уверен, что больше никогда, ни за что в жизни...

Тогда, в период влюбленности и в первый год брака, они называли друг друга Тиша и Таша.

«Тиша и Таша, мать вашу!.. – мысленно выругался Тихон. Получилось в рифму. – Цветочки-лютики!»

Возвращаться в гостиную, где на диване лежал сверток, именуемый Юлькой вопреки голубому цвету атласного одеяльца, категорически не хотелось. Часы на экране мобильного телефона, скучающего на полке в прихожей, показывали пятнадцать минут шестого. А Наталья пришла, кажется, около половины пятого. Получается, для того, чтобы заставить его окончательно и бесповоротно сдать боевые позиции, бывшей жене потребовалось всего-то несчастных сорок пять минут. Сорок пять минут назад он был совершенно свободным, счастливым и, главное, бездетным мужчиной. Теперь – ни свободы, ни счастья, одни только проблемы...

«Надо позвонить няне! – напомнил себе Тихон. – Пока он не проснулся. То есть, она...»

В коммерческой справочной службе ему достаточно быстро удалось узнать номер телефона агентства, занимающегося подбором домашнего персонала. Тихон и не ожидал, что все получится так легко. Оставалось только позвонить в это агентство и попросить, чтобы они прислали няню немедленно. Кто знает, если она успеет появиться здесь, к примеру, через полчаса – может, ему и не придется подходить к свертку, пеленать его, кормить и... что там с ними еще нужно делать?..

«В крайнем случае, – утешил себя Тихон, набирая заветный номер, – отправлю его к родителям в Сургут. Они давно уже хотели внуков... Вот и пусть радуются...»

Родители Тихона переехали на Север уже много лет назад. Сначала отец подрабывал работать вахтовым методом, но с годами здоровье стало сдавать, а бесконечные перелеты и переезды сводить с ума. Тогда и решено было, оставив повзрослевшего Тихона доучиваться в Москве в своем институте, переехать в Тюменскую область окончательно. Тихон с родителями виделся редко, но созванивался часто, почти каждую неделю, и почти каждую неделю выслушивал рассуждения матери на тему, что они с Натальей живут неправильно, «для себя», а надо ведь и о будущем думать! Пора, давно пора уже детей заводить. И себя, и стариков порадовать...

«Вот и порадуются! – снова, с некоторой мстительностью, подумал Тихон. – Отправлю им... бандеролью!»

Телефон агентства по подбору персонала был тотально занят. Видимо, всем срочно требовались няни.

Тихон включил систему автодозвона и, прислонившись к дверному косяку, стал ждать. Уходить из прихожей по-прежнему не было никакого желания. Поставить себе, что ли, раскладушку в прихожей?..

Нет, он конечно, хотел ребенка. Даже не одного, а двух. Обязательно двух – одного мальчика и одну девочку. О мальчике с девочкой они с Натальей мечтали в первый год брака, но все как-то не получалось. А потом, на исходе этого первого года, она уже с головой ушла в свой модельный бизнес. Мальчика с девочкой пришлось отложить на неопределенное время...

Конечно же, он хотел детей. Он даже очень часто представлял себе, как гуляет по Битцевскому парку с коляской, а в коляске – классическая модель розовощекого, упитанного, улыбающегося беззубым ртом карапуза. На ногах у карапуза – модные кроссовки из магазина «Адидас», на белобрысой голове – прикольная бейсболка. Веселый и добродушный карапуз называет его папой и все время смеется.

В этих своих мечтах Тихон представлял будущего ребенка именно таким, какими показывают маленьких детей в рекламных роликах по телевизору. Ему и в голову не приходило,

что до карапуза ребенок еще должен дорасти, и что с самого начала он будет никаким не карапузом, а совершенно невразумительным свертком, у которого вместо нижней половины лица – соска с голубыми медведями, а верхняя половина лица закрыта оборками от чепчика...

«Люди – как бабочки, – подвел Тихон лирический итог своим размышлениям. – Те тоже сперва никакие не бабочки, а мерзкие куколки, потом противные гусеницы, потом...»

Что происходит с бабочками «потом», он так и не успел додумать: из гостиной послышалось слабое кряхтение, и сердце Тихона упало вниз.

Все, подумал он. Это – конец. Сейчас он будет орать. Вот сейчас наберет побольше воздуха в свои крошечные легкие и завопит так, что мало не покажется. Лучшая модель автомобильной сигнализации отдыхает на помойке...

Слабое кряхтение послышалось снова. Тихон покосился на дисплей телефона: звонок все продолжался, пока – безрезультатно. Придется проститься с мечтами о немедленном появлении в квартире доброй волшебницы, именуемой няней, и... И, черт возьми, идти разбираться с ребенком самому!

Глубоко вдохнув, как перед прыжком с парашютом, он решительно направился к дивану. Остановился возле свертка, внимательно его разглядывая, надеясь, что от этого разглядывания в душе всколыхнутся какие-нибудь эмоции. Отечественные чувства – кажется, так это называется. Отечественные чувства... Бред какой-то! Ничего, кроме раздражения и легкого испуга, Тихон не чувствовал. Ну, может быть, еще испытывал невесомое чувство жалости, только вот непонятно было, к кому: к свертку или, все-таки, к самому себе.

– Проснулся? – серьезно поинтересовался он у ребенка, открывшего глаза. Глаза и в самом деле оказались темными, темно-кариими, такого же цвета, как у Тихона, хотя это еще не факт... – Проснулась, спрашиваю?

Ребенок в ответ снова закричал. Поднатужился, и личико, и без того темно-розового цвета, стало почти багровым. Было совершенно очевидно: ребенок какает.

– Ну и дела, – присвистнул Тихон. – Ты что же это? Ты что же, няньку подождать не могла, да? Вот ведь, приспичило тебе, елки зеленые!

Беспомощно оглядевшись вокруг, он убедился: помощи ждать неоткуда. В этот момент гудки, доносящиеся из прихожей по громкой связи мобильного телефона, умолкли, и послышался женский голос:

– Алло!

Тихон подорвался с места так, будто собирался поставить мировой рекорд в беге на расстояние три метра. Схватил трубку и закричал:

– Алло! Девушка, здравствуйте! Это агентство... Агентство?!

– Агентство, – спокойным голосом подтвердила трубка. – «Помощница». Здравствуйте.

– Здравствуйте! То есть, я хотел сказать... В общем, мне нужна няня! Срочно!

– Срочно? Насколько срочно?

– Как можно быстрее. Желательно, прямо сейчас!

Трубка замолчала ненадолго, потом поинтересовалась:

– Вам нужна няня временно или постоянно?

– Постоянно, конечно же, постоянно! Мне нужна няня, чтобы она жила со мной!

– Чтобы она жила... с вами? – трубка отчего-то смутилась.

– Ну не со мной, а у меня! У меня дома, я хотел сказать! Всегда!

– Понятно. Няня с проживанием. Сколько лет ребенку?

– Ему... – Тихон категорически растерялся. – Ему... пока еще несколько... лет.

– Понятно. Еще нет года. Сколько месяцев?

– И месяцев, – вздохнул Тихон. – Месяцев – тоже.

– Что – тоже? – казалось, трубка сейчас взорвется у него в руках.

– Тоже нисколько! Он родился недавно! И вообще, это она!

– Недавно – это когда?

«Спокойно, – приказал он себе. – Досчитай до десяти, как учила в детстве мама. Досчитай до десяти, а потом отвечай...»

На счете «восемь» его собеседница не выдержала:

– Вы что, дни считаете?

Только теперь до него дошло, что он считает вслух. Вот ведь что получается! Он-то думал, что нанять няню будет проще простого. Никак не ожидал такого допроса с пристрастием!

– ... десять! – выдохнул Тихон. – Примерно – десять! Девушка, а что, это имеет значение?

– Конечно, имеет. Специфика возраста – это главное. Мы подбираем няню с учетом...

В этот момент ребенок на диване запищал. Тоненьким, слабеньким голоском. И это, по всей видимости, было только началом кошмара.

– Девушка, я прошу вас, давайте решим этот вопрос побыстрее. Мне нужна няня, и чем скорее, тем лучше.

– Да, вы это уже говорили, – напомнила трубка. – Минимальный срок – это завтра. Завтра вы должны будете подъехать к нам в агентство, где наш юрист заключит с вами договор и возьмет предоплату.

– А что, пораньше никак нельзя?

– Нет, – сочувственно вздохнула трубка. – Нельзя.

– Но я... Я ведь не смогу подъехать к вам в агентство! – вдруг понял Тихон. – Я не смогу, у меня же ребенок! Он маленький! То есть, она! Я не могу оставить ее дома одну...

– Вам не с кем оставить ребенка?

– Конечно, не с кем!

Ну до чего же непонятливые сотрудники работают в этом агентстве!

Трубка притихла на секунду, потом прошелестела:

– Оставайтесь на линии! – и окончательно замолчала.

Несколько минут томительного ожидания Тихон провел у дивана. Сунул обратно вывалившуюся изо рта у ребенка соску, когда тот уже был близок к истерике. Соска помогла – ребенок замолчал, а Тихон при этом испытал гордость.

«Может, на самом деле все не так уж и страшно?» – подумал он, воодушевившись своим первым педагогическим успехом. Про то, что совсем скоро ему придется менять ребенку испачканный памперс, он даже забыл.

– Фамилию и адрес свой назовите, – прорезался в эфире голос его собеседницы.

Тихон назвал.

– Это недалеко... Совсем близко от метро «Чертаново». На пересечении Севастопольского и Балаклавского, рядом с парком!

– Хорошо. Завтра в половине десятого ждите нашего сотрудника. Заключите договор и... Да, вот еще что. Пожелания какие-нибудь у вас на счет няни есть?

– Какие... пожелания? – растерялся Тихон.

Трубка снисходительно усмехнулась его дремучести.

– Мужчина, вы ведь не корову покупаете, я няню для собственного ребенка выбираете! Вам что, все равно, что это будет за человек?

– Нет, – подумав, решил Тихон. – Мне не все равно. Просто я... понимаете, в первый раз выбираю няню. И, поэтому...

– Понятно, – бесцеремонно прервала трубка. – Возраст, образование?

– Тридцать два года. Московский химико-технологический институт! – бодро отрапортовал Тихон.

– Да не ваши! – взмолилась трубка. – Не ваши, а вашей будущей няни! То есть, няни вашего ребенка!

Мозги у Тихона медленно закипали. От нервного истощения зачесалась спина. Он поскреб ее, неловко вывернув свободную от телефонной трубки руку.

– Возраст не важен. Образование... пусть будет высшее.

– Педагогическое? – уточнила трубка. – Или, лучше, медицинское? Учитывая возраст ребенка, медицинское было бы лучше!

Да хоть ветеринарное, подумал про себя Тихон. Пусть даже ПТУ – лишь бы побыстрее, черт возьми, они ее прислали!..

– Ну, если можно...

– Понятно. Минуточку, я посмотрю в базе данных...

Когда этот мучительный разговор наконец был окончен и Тихон положил нагретый телефон обратно на тумбочку в прихожей, ребенок уже опять успел потерять соску и начал жалобно попискивать на диване. Позволив себе несколько секунд передышки, Тихон направился к нему. От мысли, что сейчас придется разворачивать пеленку, снимать с ребенка памперс и соприкасаться с его *какашками*, становилось дурно.

– Ну что? – поинтересовался он у ребенка. – Ну что тебе не спится, а? Спал бы себе мирно до утра, а утром бы пришла няня и тогда... тогда орал бы, сколько хочется. Я бы все равно на работе тебя не услышал... Эх!

Разворачивать ребенка все же пришлось. Под атласным одеяльцем обнаружилась фланелевая пеленка все того же, голубого, цвета, под ней – еще одна, тонкая, в голубых цветочках, пеленка. «Как капуста, честное слово, – подумал Тихон, – и зачем, спрашивается, в такое количество пеленок детей заворачивать?» А вслух сказал:

– Да не ори ты! Ну, пожалуйста!

И снова попытался засунуть в рот ребенку соску.

На этот раз номер не прошел – соска была отвернута, и рев продолжался.

Он с удовольствием зажал бы уши, да только руки были заняты.

Развернув последнюю пеленку, Тихон остолбенел.

Он, конечно, догадывался, что маленькие дети бывают... маленькими. Но когда увидел, *насколько* маленький этот ребенок, то просто не поверил, что такое может быть. *Это существо с птичьими лапками вместо рук и ног и грудной клеткой размером с кулак взрослого человека не могло быть жизнеспособным.*

«Недоношенный, – тут же понял он. – Глухой, к тому же еще и недоношенный! Еще и орет, еще и обкакался! Господи, за что мне это?!»

Проклиная все на свете, и в первую очередь – себя самого за собственный идиотизм, он попытался стянуть с ребенка памперс. Памперс не стягивался, покрасневший ребенок заливался горьким плачем, и на лбу у Тихона выступил холодный пот прежде, чем он догадался потянуть за липучки по бокам. Противный трескучий звук, и – вот она, награда за его усилия. Жиденькая, бледно-коричневого цвета...

По дороге в ванную, придерживая орущего ребенка двумя руками и пребывая в абсолютной уверенности – сейчас он его сломает, или уронит – Тихон понял: еще один такой день – и он сойдет с ума. Еще два таких дня – и он просто умрет. Он умрет, не выдержав этого кошмара.

– Ну не ори, – умолял он, взывая к совести ребенка. – Не ори, прошу тебя, девочка. Ты же у нас хорошая... Хорошая девочка. И имя у тебя такое замечательное... Такое замечательное имя... Кажется, Оля? Или... Оксана? Или... как там тебя?

Со всеми этими переживаниями Тихон начисто забыл имя ребенка.

И от этого разозлился еще сильнее.

* * *

Появившаяся на следующий день няня оказалась subtilной девицей с короткими, модно подстриженными ярко-рыжими волосами. На вид ей было слегка за двадцать пять. Она имела, как и пообещали в агентстве, медицинское образование и небольшой стаж работы в детской поликлинике в должности медсестры. Имя у няни было необычное и красивое – Лана. Представившись и поставив свою подпись в документах, которые привез юрист, она сразу же приступила к своим непосредственным обязанностям. Подошла к ребенку, который, к небывалому счастью своего отца, все еще спал посередине разложенного дивана, кое-как завернутый в пеленку, и начала с ним разговаривать.

– Это кто тут у нас спит, а? Это кто тут у нас спит такой хороший? Такой славный? Кто-о-о такой маленький тут у нас спит?..

Тихон, занятый в это время беглым просмотром договора с фирмой о предоставлении услуг, от удивления выронил ручку. Кажется, ему прислали сумасшедшую няню.

– Девушка, он же спит!

– Спит, конечно! – елеинным голоском отозвалась няня. – Я же говорю! Спит, маленький...

– Вот именно. А зачем же вы его будите? – сердито спросил Тихон.

Пожалуй, стоило еще три раза подумать прежде, чем заключать договор с этой странной няней.

– Я его не бужу. Я с ним просто разговариваю, – пояснила няня тоном, каким врачи психиатрических клиник разговаривают со своими пациентами в стадии обострения.

– А зачем вы с ним разговариваете, если он спит? Вы же его разбудите!

– С детьми нужно всегда разговаривать. Даже когда они спят.

– Круглые сутки, что ли? – обалдел Тихон.

Восседающий за журнальным столиком юрист – крупный краснолицый мужчина с густой бородой и безнадежной проплешиной на макушке – наблюдал за их разговором с большим интересом.

– По мере возможностей, – пояснила няня. – Он слышит даже во сне.

«Это еще вопрос, слышит ли он вообще что-нибудь!» – подумал про себя Тихон, а вслух сказал:

– Это она, вообще-то. Девочка. Я вчера, кажется, говорил об этом вашей... сотруднице.

– Да, конечно. Я знаю, девочка. Хоро-о-шая девочка! – вместо человеческой речи опять послышалось гнусное сюсюканье. Тихон сглотнул подступившую к горлу тошноту. – И как же нашу девочку зовут? А? Как зовут нашу ма-а-ленькую девочку?

– Вы... меня спрашиваете, да? – обреченно поинтересовался Тихон.

– Вас, кого же еще! Девочка же спит, и она при всем желании не может мне ответить! Она еще не умеет разговаривать!

Тихон некоторое время растерянно молчал. Проблема заключалась в том, что он со вчерашнего вечера так и не смог вспомнить, как же зовут этого ребенка, которого про себя продолжал называть исключительно «ребенком» и никак больше.

Тихону было удобно, а ребенку все равно.

Пауза затягивалась. Девушка по имени Лана и юрист с проплешиной смотрели на диковинного папашу во все глаза. С каждой секундой становилось все более очевидным: имени своего ребенка он не знает. Левая лохматая бровь юриста подозрительно поползла вверх: что-то здесь не так, уважаемый папочка. Няня нетерпеливо постучала костяшками пальцев по гипсокартоновой панели.

Нужно было что-то делать.

Тихон растянул губы в глупейшей улыбке и продекламировал с выражением:

– Что в имени тебе моем? Оно умрет, как шум печальный волны, плеснувшей в берег дальний... Как звук ночной в лесу... глухом... Вы любите Пушкина?

– Вы что, не знаете имени собственной дочери? – изумленно спросил юрист.

Эх, подумал Тихон, если бы ты только мог себе представить, каким образом эта самая дочь у меня появилась... Не изумлялся бы так!

– Да знаю, знаю я имя собственной дочери, – примирительно сказал Тихон, вспомнив, что где-то там, в пакете, набитом памперсами и бутылками, должно было находиться и свидетельство о рождении, в котором непременно будет написано имя ребенка!

Заветный пакет по-прежнему, еще с вечера, валялся в прихожей, и Тихон стрелой помчался к нему. Не церемонясь, вывалил на пол все содержимое, отыскал заламинированный светло-голубой прямоугольник, схватил его в руки. Выпрямился, улыбнулся, развел руками, совершил еще с десяток ненужных движений, мысленно обозвал себя тупым идиотом и сообщил, что его дочь зовут Юлия Тихоновна.

– Юлия Тихоновна? Какая прелесть! Мне ее так и называть? По имени-отчеству, да? – восторженно поинтересовалась няня.

– Да. Ей очень нравится, когда ее называют по имени-отчеству, – буркнул Тихон. – Давайте уже подпишем наконец этот договор и... Мне на работу пора.

На работу в тот день Тихон попал очень нескоро.

Закончив формальности с юристом и оплатив аванс, он наконец-то вырвался из квартиры, за последние несколько часов превратившейся для него в настоящую камеру пыток. Но поехал не на работу, а по магазинам. Няня, сделав ревизию в пакетах с детскими вещами, сообщила, что вещей этих совсем мало, что в пакетах отсутствуют такие совершенно необходимые «мелочи», как...

Далее следовал список «мелочей», который проворная нянька накатала на листе формата А4 убористым почерком. И Тихону ничего не оставалось делать, как ехать с этим списком в «Детский Мир». С трудом припарковавшись, он влетел в здание универмага, поймал первую попавшуюся девушку-продащицу, вручил ей список и предоставил полную свободу выбора. Девушка-консультант, совсем молоденькая, чем-то напуганная, попыталась робко объяснить Тихону, что вещи для ребенка должны выбирать сами родители.

– Разве вам все равно, какого цвета, например, будет у малыша распашонка? Или ползунки? Вдруг вам не понравится то, что я выберу?!

Тихон уверил, что ему абсолютно все равно и что ему непременно понравится все то, что она выберет, потому что сразу видно, что у нее отличный вкус... и вообще она отличная, просто замечательная, девушка.

Смущенная таким натиском замечательная девушка отправилась в торговый зал выбирать вещи по списку, а Тихон дал деру из магазина, почувствовав, что от одного только вида бесконечных пеленок, ползунков, носочков и чепчиков начинает испытывать позывы к тошноте.

Через час он уже запихивал в машину «мелочи», самой крупной из которых оказалась коляска бледно-розового цвета. Коляска с большим трудом поместилась на заднем сиденье джипа, ванночку для купания пришлось запихать в багажник, туда же рядами он уложил упаковки с памперсами, а на переднем сиденье рядом с местом водителя взгромоздился фирменный пакет с пеленками, клеенками, чепчиками, сосками и прочими атрибутами счастливого детства.

«Это только на два года, – утешал он себя по дороге к дому, сатанея от громохана погребушек при каждом торможении. – Всего лишь два года мучений, а потом – полная свобода. Ну, представь, что тебя на два года посадили в тюрьму. По ложному обвинению.

Обидно, конечно, но ведь ничего уже с этим не поделаешь? Нужно просто набраться терпения и ждать, когда закончится положенный срок... Два года – совсем немного. Год... и еще один год. Триста шестьдесят пять дней и... и еще триста шестьдесят пять... всего семьсот тридцать... В самом крайнем случае – семьсот тридцать один, но это если не повезет и один из двух годов окажется високосным... Да, нужно будет обязательно посмотреть в календаре...»

В радиоприемнике, словно в насмешку, то ли мужской, то ли женский голос распевал лирическую песенку о том, как какой-то там малыш «растет не по годам и уже читает по слогам... озорной и добрый мальчуган...» Старая песня, Тихон и раньше ее слышал, и не обращал на нее никакого внимания. Но то ведь было раньше, не сейчас. А сейчас, торопливо и со злостью выключая приемник, он едва не сломал его. Все, все будто сговорились против него! И песню эту на радио наверняка специально заказала Наталья, чтобы поздравить своего бывшего мужа с успешной сдачей экзамена на степень клинического идиота...

Выгружая в прихожей вещи из магазина, Тихон очень надеялся, что его приход останется незамеченным. Из-за закрытой двери когда-то супружеской спальни доносился рев младенца и улюлюканье няньки.

«Нашли общий язык», – удовлетворенно подумал Тихон, потирая уставшие руки. Розовую коляску он задвинул в угол, рядом поставил малиновую ванночку, в нее накидал кучу белья вперемежку с сосками и памперсами и пулей выскочил из квартиры, постаравшись неслышно закрыть за собой дверь. В этот момент впервые за последние сутки он испытал чувство, похожее на легкое облегчение.

Один день был позади.

Оставалось еще семьсот двадцать девять.

Если, конечно, ему повезет, и следующий год не окажется високосным...

На работе Тихона ждала целая прорва дел. И это было настоящее счастье.

* * *

Вообще-то, это была не сама лучшая идея – брать отпуск в марте.

В марте, когда бледно-желтое солнце еще совсем холодное, когда вместо белого снега под ногами – серая слякоть, а трава в редких просветах земли на газоне – мертвая, прошлогодняя, колючая, и темнеет совсем рано. Не зима уже, не весна еще, а что-то не очень приятное, половинчатое и неопределенное. В такое время года – только на диване лежать, укрывшись пледом, попивать горячий чай и шелестеть книжными страницами. Приятно, конечно, но быстро надоедает. Скучно дома, а на улицу лишний раз выйдешь – каблук сломаешь или, неудачно спустившись по обледелой горке к подъезду, шишку на голове набьешь! Небо темное, низкое, неприветливое. Оттого и настроение плохое. Грустно и тоскливо на душе! И в гости не сходишь – все на работе, и к себе не позовешь – все по той же причине, что звать некого. Вот и получается, что от этого мартовского отпуска в жизни у Альки – никакой радости, а только одна сплошная печаль!

Но, с другой стороны, выхода-то другого у нее не было? Не было! Небольшой антикварный магазин, где она работала экспертом-оценщиком – конечно же, не какая-нибудь важная правительственная организация, но все же график отпусков и там существует! Сотрудников – двадцать человек, а летних месяцев – восхитительно жарких, многоцветных, радостных, до краев наполненных солнцем – только три! И, конечно, Альке, у которой в прошлом году был отпуск в июле, а в позапрошлом – в августе, в этом году пришлось потесниться. Сентябрь тоже оказался занятым, поэтому Алька махнула рукой и предоставила отделу кадров решать судьбу ее отпуска самостоятельно: в марте так в марте!

А теперь вот, уже на второй день отпуска, пожалела: уж лучше надо было выбрать какой-нибудь снежный зимний месяц, декабрь или январь. Можно было бы уговорить Пал Палыча съездить на лыжную базу в Лосиноостровский заповедник, или на коньках вдоволь покататься в Сокольниках. Или в «Меге»... В крайнем случае, просто выйти во двор и слепить снеговика!

Алька улыбнулась своим мыслям: услышал бы сейчас Пал Палыч про снеговика, поднял бы ее на смех! Напомнил бы, что ей двадцать два года, и в этом возрасте нормальные тетки снеговиков лепят уже не для себя, а для своих детишек! А Алька бы обиделась на него и сказала бы, что никакая она не тетка, что двадцать два года – это еще не старость, и вообще – разве она виновата в том, что до сих пор никак не может проститься с детством?

Пал Палыч, Алькин младший, восемнадцатилетний брат, в последнее время ее тревожил. И даже непонятно было, в чем причина этой тревоги, ведь внешне-то все было нормально: Палыч исправно посещал занятия в университете, недавнюю зимнюю сессию, первую в своей жизни, сдал прилично, среди четверок даже одна пятерка затесалась. В свободное от учебы время, как всегда, братец торчал «Империи фитнеса», истово наращивая мышечную массу, по выходным забегал в гости, по будням – звонил. Внешне все было нормально, да... Но все-таки, что-то изменилось! Задумчивый он стал какой-то, нервный, забывчивый. Вот, к примеру, в прошлые выходные: они сидели у Альки в кухне, пили чай горячий с медом и мелиссой, и Алька Палычу рассказывала про русскую икону семнадцатого века, которая долгое время считалась потерянной, а совсем недавно была обнаружена в частной коллекции какого-то английского лорда. Палыч вроде бы ее слушал, а потом вдруг – ни с того, ни с сего! – поднялся из-за стола и начал прощаться.

– Ты подожди, Паш, – растерялась Алька, – я же тебе еще не закончила про икону...

Пашка посмотрел на нее как-то странно и спросил:

– Про какую икону?..

Это было примерно месяц назад, и с тех пор Алька не раз с тревогой замечала за братом такие вот странности. Однажды он даже закричал на нее, по какому-то совершенно пустяковому поводу спор у них возник, и Алька обалдела от неожиданности. Сколько лет она помнила Палыча, он никогда в жизни на старшую сестру голоса не повышал! Подтрунивал над ней иногда, разыгрывал, занудой обзывал, но все это было как-то... по-доброму. А в тот день настоящая злость у Паши в голосе звенела. И Альке не по себе стало. Палыч, правда, сразу же извинился и даже поцеловал ее в макушку, но в памяти все равно осталось его злое лицо, его незнакомый, срывающийся на фальцет, голос, и глаза – серые, потемневшие и холодные, как мартовский лед.

С чего бы это?..

Алька все думала-думала, и поняла только одно: странности в поведении брата обнаружились примерно в то самое время, когда он начал заниматься «бизнесом». «Бизнес» – это было его, Пашкино, словечко. На самом деле все было гораздо проще: восемнадцатилетнему отпрыску надоело сидеть на шее у родителей, и он решил немного подзаработать честным путем. Отец помог взять кредит в банке, и Пашка арендовал в большом магазине маленький павильон для торговли разными компьютерными железками, апгрейдом и дисками с программным обеспечением. Свой «бизнес» Пал Палыч начал примерно месяц назад, и вот именно с тех пор и стал нервным и озабоченным. Хотя, по его словам, все было «окей», торговля шла полным ходом и никаких проблем не возникало в принципе. Но ведь Палыч мог и приврать, боясь огорчить родителей! Алька, решив во что бы то ни стало выяснить, что происходит с братом и, если нужно, помочь ему, не втягивая в это дело родителей, решила на хитрость: отпросившись с работы на пару часов, отыскала большой универмаг, в котором, по словам брата, находился его павильон, и решила понаблюдать, как там идет торговля. Бродила-бродила по универмагу, а павильона не нашла. Палыч потом долго смеялся

над Алькой: оказалось, что она просто перепутала названия! Ну, разве виноват был Палыч в том, что в Москве существуют два магазина с очень похожими названиями?

– А вообще, – сказал ей тогда, отсмеявшись, Пашка, – брось ты, сестренка, эту затею! Тебе больше делать что ли, нечего, кроме как торчать полдня возле прилавка с железками? И с чего ты вообще решила, что у меня какие-то проблемы? Нет у меня никаких проблем и не было! А если бы были, то в первую очередь к тебе бы за советом и помощью прибежал, ты уж не сомневайся!

Алька не сомневалась, конечно, но все же...

Все же предчувствия были нехорошими.

И вот, в первый же день отпуска, они, кажется, оправдались...

Два часа назад от Пашки пришла смс-ка. «Будь дома через час, – прочитала Алька на экране мобильного. – НУЖНО СРОЧНО ПОГОВОРИТЬ».

Последние три слова были написаны заглавными буквами, и после них стояли целых три восклицательных знака!

Нет, дело, конечно же, было не в заглавных буквах и не в том, что в конце предложения стояли восклицательные знаки. Просто Пал Палыч никогда и никому не писал смс-сок. Его ужасно раздражало «это тупое тыканье пальцами по клавишам» и, поскольку мобильная связь давно уже стала не слишком дорогостоящим удовольствием, всегда предпочитал набрать номер и позвонить. Поэтому сам факт получения мобильного сообщения от Палыча выглядел странно.

Алька, не долго думая, сразу же набрала его номер, чтобы узнать, что случилось. Но телефон оказался почему-то «вне зоны доступа»! Алька раз пять подряд нажимала на клавишу повтора вызова, но результат был прежним. Получалось, что Пашка, отправив сообщение на ее мобильник, зачем-то сразу же отключил телефон!

Все это выглядело непонятно и настораживающе. Оставалось надеяться, что через час Палыч приедет, живой и здоровый, и сам ей все объяснит. Алька ждала его, то и дело тревожно поглядывая на часы. Время ожидания, как это всегда бывает, тянулось катастрофически медленно. Стоя возле окна, она разглядывала пласты сизого льда на дороге, спускающейся вниз, к Набережной, и бесконечную серость мокрого снега на крышах домов. С карниза время от времени падали капли мутной воды, стучали о подоконник, оставляя мелкие брызги на стеклах. Алька, чтобы убить время, начала считать эти капли, а про себя все приговаривала:

«Все будет хорошо. Все будет хорошо и никак иначе!»

Где-то в районе двухсотой капли она сбилась со счета, посмотрела на часы – прошло всего лишь двадцать минут, еще целых сорок ждать оставалось! Тогда она села на краешек дивана, зажмурила глаза и стала вспоминать стихи. Эта привычка еще с ранней юности ее выручала в подобных ситуациях, когда время тянулось слишком медленно, а занять его было нечем. Когда-то давно, когда Алька еще была восьмиклассницей, учительница по алгебре и классная руководительница Татьяна Семеновна сказала ей: «Если хочешь перестать о чем-то думать, и никак не можешь – начни решать сложное уравнение с несколькими неизвестными. Или строить какой-нибудь алгебраический график. А если не любишь математику, а любишь литературу – начинай вспоминать стихи. Самый верный способ успокоиться и убить время».

Алька зажмурилась и начала мысленно проговаривать стихотворения любимых поэтов: Ахматовой, Есенина, Цветаевой, Гумилева. У нее с детства была прекрасная память, а на стихи – особенно. В последние годы, правда, не так уж и часто она открывала затертые томики поэзии: страсть к стихам медленно остывала в душе, проходила вместе с юностью, словно была ее неотъемлемой частью. И сейчас многое из того, что она знала когда-

то, забылось, стерлось из памяти полностью или превратилось в обрывки, по которым уже невозможно было восстановить целое.

Но это было не главное. Напрягая память, концентрируясь на процессе воспоминания, Алька отвлекалась от своих дурных предчувствий, забывала о времени. Строчки, когда-то щекочущие душу, она сейчас повторяла про себя абсолютно без эмоций, как автомат. Главное сейчас было – отвлечься...

Алька взглянула на часы и испугалась: прошло уже больше часа. Целый час и еще двадцать минут – а Палыча все не было!

– Да что же это такое, в самом деле! – в отчаянье она шлепнула рукой по диванной подушке и снова схватила в руки мобильный телефон. Дозвониться по-прежнему было невозможно...

Отложив в сторону сотовый, она перебралась к стационарному, набрала номер родителей. Ведь не исключено, что младший братец сидит себе спокойненько дома у телевизора, а то сообщение отправил ей просто ради шутки. Хотя глупые шутки для Палыча были не характерны... А тем более – жестокие шутки!

Трубку взяла мама.

Стараясь голосом не выдать своего волнения, Алька начала разговор издалека, а потом как бы между делом спросила, чем там занимается Пашка.

– А его дома нет, – ответила мать. – Наверное, опять в тренажерном зале железки тягает. А, может, «бизнесом» занимается...

– Наверное, – согласилась Алька. С большим трудом ей удалось еще несколько минут поддерживать разговор. Повесив трубку, она едва не разрыдалась: что делать? что думать? где искать Пашку?!

Не звонить же, в самом деле, в милицию? Да ее там на смех поднимут! Скажут, ждите трое суток, а уж потом, если не появится, звоните! Но ведь если и в самом деле придется Пашку ждать трое суток – она просто с ума сойдет!

«Я его убью, – решила в отчаянии Алька. – Самое главное, чтоб он только пришел, живой и здоровый, и я его точно убью! Сразу же!»

Еще целый час она бесцельно ходила по квартире, садилась на диван, пересаживалась в кресло, хватала в руки мобильный телефон и со злостью швыряла его в сторону, услышав в очередной раз: «Телефон абонента находится вне зоны действия сети...»

Когда спустя еще два часа, уже поздним вечером, наконец раздался звонок в дверь, Алька даже боялась ее открывать. Боялась, что вместо брата увидит... каких-нибудь милиционеров, которые пригласят ее в морг на опознание, или каких-нибудь Пашкиных друзей, которые принесут плохие известия...

Но за дверью оказался Пашка. Долгожданный Пашка, живой и...

Нет, сказать о Пашке «здоровый» было невозможно.

На него просто смотреть было страшно! Новая, купленная недавно в спортивном магазине куртка – грязная и порванная, все лицо в пятнах засохшей крови, над бровью – огромная красная ссадина, глаз подбит, в спутанных волосах – комки слипшейся грязи.

– Палыч?! – ахнула Алька, отступая от него. – Что с тобой?! Господи, да кто же тебя так...

– Потом, – шепеляво проговорил Пашка, осторожно снимая куртку. Было заметно, что движения причиняют ему сильную боль. – Потом, Алька. Дай я сперва в ванную. А ты пока поищи в аптечке... Йод или спирт какой-нибудь... И таблетки болеутоляющие. Анальгин, или... Есть у тебя?

– Есть, – затараторила Алька. – Есть и анальгин, есть и посильнее кое-что! И йод, и спирт, и бинты есть! Тебя били, да?! Палыч, скажи, тебя били? Тебя ведь к врачу нужно

срочно! Вдруг у тебя перелом какой-нибудь, или внутренние органы... повреждены? Паш, да кто же это тебя так...

Он не ответил – только махнул рукой и прошел мимо нее в ванную. Обернулся на пороге, с видимым усилием преодолевая боль в шее, и сказал строго:

– Только ты не вздумай скорую вызывать, слышишь? Со мной все в порядке. Так синяки кое-где, и... И все. Сами справимся. Поняла?

– Поняла, – пролепетала в ответ Алька, хотя на самом деле категорически ничего не понимала!

Пашка хлопнул дверью, зашумела вода в ванной. Алька какое-то время так и стояла в прихожей, уставившись в одну точку и не понимая, что ей делать. А потом бросилась в комнату, раздвинула дверцы шкафа-купе, где на полке стояла коробка с лекарствами. Коробка была большая, картонная, из-под обуви, до верха набитая пузырьками и капсулами на все случаи жизни. Алька схватила ее дрожащими от волнения руками, потянула на себя и уронила.

Лекарства рассыпались, пузырьки зазвенели, покатались по полу в разные стороны.

– Да что же... – Алька всхлипнула. Она и так держалась из последних сил, чтобы не расплакаться, а тут еще эта коробка! – Да что же это такое!

Опустившись на колени, она принялась торопливо собирать лекарства обратно, откладывая в сторону те, что могли пригодиться сейчас Пашке. Одной рукой собирала лекарства, а другой вытирала слезы, которые все текли по щекам и никак не хотели останавливаться. И бинт, и йод, и баночка с медицинским спиртом нашлись сразу, а вот болеутоляющие таблетки куда-то подевались. Алька уже была в полном отчаянии и собиралась бежать в аптеку, когда обнаружила, что сидит на упаковке темпалгина!

– Палыч, ты уверен, что тебе к врачу не надо? – спросила она брата, когда тот вышел из ванной и появился на пороге комнаты.

– Уверен, – глухо ответил Палыч. – А ты не реви.

Не глядя, он прошел мимо нее к дивану и, поморщившись от боли, улегся, вытянув свои длиннющие ноги.

«И в кого это, – некстати подумала Алька, – он у нас такой длинный? В семье ведь все среднего роста, не выше ста семидесяти, а он под два вымахал!»

Пашка прикрыл глаза, положив на лицо согнутую в локте руку, что означало: сейчас к нему не надо приставать с расспросами. Алька вздохнула, снова вытерла слезы и все так и продолжала сидеть на полу, окруженная рассыпавшимися лекарствами. Собирать их уже просто не было сил, да она и забыла про лекарства в тот момент, когда брат появился в комнате.

Теперь, после того, как он вымыл лицо и волосы, снял с себя порванную грузную куртку, на него по крайней мере можно было смотреть, не ужасаясь. Или... почти не ужасаясь. У Альки сердце в груди разрывалось и начинали чесаться кулаки при мысли о том, что кто-то посмел вот так избить ее Палыча. Гады, подонки, нелюди! Палыч ведь не мог причинить никому зла, он в жизни и мухи не обидел! Когда мальчишкой был, вечно тащил домой какую-нибудь несчастную живность! То котенка с отрубленным хвостом, то каких-то птиц с перебитыми крыльями. Сам их лечил, выхаживал и отпускал потом на волю. В школе ни разу ни с кем не подрался, да и вообще был как-то в стороне от мальчишеской компании – все больше сидел на диване с книжкой, его даже «ботаником» дразнили. Именно поэтому он два года назад и пошел качаться в тренажерный зал, чтоб доказать всем и себе самому в первую очередь, что он настоящий мужик, а не какая-нибудь тряпка. Ну разве можно предположить, чтобы Палыч кого-нибудь так сильно обидел, чтобы этот «кто-то» потом его вот так, до полусмерти, избил?!

Алька уже не плакала – успокоилась, отвлеклась, думая о брате. А тот все лежал на диване, закрыв рукой лицо, словно наложил на себя обет молчания и собирался вот так вот, молча, лежать всю оставшуюся жизнь.

– Так, – не выдержала Алька. Поднялась с пола, заметила разбросанные вокруг лекарства и раздражено отшвырнула их ногой подальше. – Знаешь что, хватит! Мне это надоело! Во-первых, тебе ссадины обработать нужно, а во-вторых, рассказывай, что случилось! Ты что, молчать сюда пришел? Ну, я с кем разговариваю?

– Алька, перестань. Не надо изображать мамочку...

– А ты не изображай из себя... идиота! – вскипела Алька. – И не делай вид, что не замечаешь моего присутствия! И не думай, что мне все равно!

– Да я не думаю, – примирительно сказал брат, по-прежнему не убирая руки с лица. – Я не думаю, просто...

– И никаких «просто»! – она сгребла в горсть отложенные в сторону два пузырька с йодом и спиртом, другой рукой схватила бинт и решительно двинулась в направлении дивана.

Ссадина над бровью у Палыча все еще сочилась светло-розовым соком. Алька сперва протерла ее куском бинта, смоченным в медицинском спирте, а потом приложила к Пашкиному лбу другой кусок бинта, щедро смоченный йодом. Брат, надо было отдать должное его мужеству, даже не поморщился от ее прикосновений.

– Вот так. А теперь полежи, я поищу лейкопластырь. Приклею тебе на лоб повязку, будешь, как новенький! И лед к синяку надо приложить. А то совсем заплывет глаз-то!

– Они мне еще зубы выбили. Два, – доверительно сообщил брат.

– Да кто они-то?! – не выдержала Алька. – Кто тебе зубы выбил? Если будешь молчать, предупреждаю, выбью тебе еще два! Сама, лично!

– И рука не дрогнет? – с любопытством глядя на Альку из-под бинта, поинтересовался Палыч.

– Не дрогнет, можешь не сомневаться!

Окинув ее придирчивым взглядом, он слабо улыбнулся.

– Силенок маловато у тебя будет, чтоб с моими зубами совладать. Тем более – с двумя.

– Все шутишь! – Алька махнула рукой.

Сбегала на кухню, принесла кусок замороженный мяса, завернутый в полиэтиленовый пакет, отдала Пашке и велела прикладывать к синяку. Зафиксировала бинт, покрывающий ссадину, лейкопластырем, и, вздохнув, уселась рядом с ним на диване.

Злость на брата, внезапно появившаяся, точно так же внезапно куда-то исчезла. Осталась только жалость, которая снова захлестнула ее волной. Осторожно, стараясь не причинить боли, она положила голову ему на грудь и закрыла глаза. Пашка, подумав несколько секунд, погладил ее по волосам и сказал отческим тоном:

– Не реви.

Хотя она уже и не думала реветь. Он пришел, он был здесь, живой – пусть немножко побитый, главное живой! – радоваться надо, а не плакать!

– Тебе чаю согреть? Будешь? – спросила она, поднимая голову.

– Согрей, – согласился Пашка. – Буду.

– С бутербродом?

– Нет. С анальгином. Башка болит страшно. Невообразимо просто.

– Может, у тебя сотрясение мозга?

– Не думаю.

– Может, все-таки... к врачу, а, Палыч?

– Не может. Все у меня в порядке, а царапины заживут скоро. Как на собаке. У меня организм молодой и выносливый. С хорошими способностями к регенерации тканей.

– «К регенерации тканей»! – поднимаясь, с грустной усмешкой повторила Алька. – Все-то он знает!

Заварив на кухне крепкий черный чай – с мелиссой, как они оба любили – Алька, решив не тревожить брата, принесла чашки в комнату на подносе, вместе с вазочкой инжирного варенья. Пашка приподнялся, сел на диване по-турецки, а Алька устроилась рядом, на полу, усевшись на диванную подушку. Она дала брату возможность сделать пару глотков чая, проглотить две таблетки темпалигина, а потом строго потребовала:

– Ну, рассказывай.

Брат вздохнул, отвел глаза в сторону и виновато сказал:

– В общем, дело такое, сеструха. Денег я задолжал... одному человеку. Очень много денег. А отдать не могу. Не получается.

– Палыч, ну ты даешь! – ахнула Алька. – Что же раньше не сказал? Взял бы у меня займы или... да необязательно займы, я бы тебе и так дала! У родителей попросил бы! Я тебя не понимаю!

Палыч криво усмехнулся:

– Не понимаешь – потому что не слушаешь. Я же ведь сказал тебе: много денег. Очень много.

– Очень много – это сколько?

– Двадцать тысяч.

– Ну... – задумалась Алька. – Не мало, конечно, но не так уж и...

– Долларов, Алька. Долларов, не рублей.

– Двадцать тысяч... долларов?! – Алька даже чаем поперхнулась и сразу брату не поверила. Жили они не бедно и не богато, средне, как большинство живет, и все-таки сумма в двадцать тысяч долларов была для нее астрономической.

Палыч молчал, давая сестре возможность переварить информацию.

– Но как же... Зачем же ты брал займы такие деньги? И на что ты их потратил? Ты ведь потратил их, если отдать не можешь, я правильно понимаю?

– Правильно, – откликнулся Палыч. – Потратил.

– На что?! Ты что, машину себе купил? Или... квартиру?

– Квартиру на такие деньги не купишь, – усмехнулся Палыч. – Если только комнату в коммуналке где-нибудь на окраине... Да она мне и не нужна.

– Значит, ты... – внезапно догадалась Алька. – Значит, ты их вложил, да? В свои железки вложил, чтобы прибыль потом получить? И что-то у тебя там не сложилось?

Пашка молчал, хмурил брови и отворачивался. Не нравилось, ох как не нравилось все это Альке!

– А ну говори! – приказала она. – В железки вложил? В «бизнес» свой, да?

– Нет. Нет, Алька. Понимаешь, на самом деле... На самом деле нет никаких железок. И никакого «бизнеса» нет тоже. Я это все придумал...

– Как? – поразились она. – Как – придумал?!.

– А вот так – взял, и придумал. Просто мне уже тогда были нужны деньги. Срочно. Вот и уговорил отца взять кредит в банке. Думал, смогу расплатиться... А теперь... – он безнадежно махнул рукой. – В общем, я дурак. Я последняя скотина. Я...

– Я все равно не понимаю. Паш, ты куда деньги-то дел? Это ж столько денег... Столько денег, что с ума сойти можно!

– Вот я и сошел... с ума, – недобрая усмешка скользнула по лицу брата. – Я эти деньги, Алька, в казино проиграл. Все, до копейки. Все думал – отыграюсь. А теперь...

В то, что рассказывал Пашка, даже и поверить было невозможно! Алька сперва и не верила, сердилась на брата, требовала, чтобы он не «пудрил ей мозги» и сказал наконец

правду! Но потом, когда он, пряча глаза, в подробностях рассказал ей всю историю своего «падения на дно», ей пришлось поверить. Поверить и от отчаяния схватиться за голову.

– Понимаешь, я сперва думал, что это все так, ради забавы... Ну, проиграл пятьсот рублей, потом отыграл, потом еще и еще пятьсот выиграл... Потом азарт появился... А потом... В общем, попал на пятьдесят тысяч. Из тех денег, что отец в банке взял, часть ушла на уплату долга, а часть... Пойми, Алька, я отыграться хотел! Я думал, получится, ведь на моих глазах люди в рулетку знаешь, какие суммы выигрывали?

– Но ведь и проигрывали тоже, – потерянным голосом проговорила Алька.

– Проигрывали, – согласился Палыч. – Только...

– Что – только, Паша?!

– Ну и что ты мне теперь нотации читаешь?! – вскинулся Палыч, сверкнув на нее неожиданно злыми глазами. – Думаешь, я без тебя не знаю, что такое хорошо, а что такое плохо? Правильная ты наша! Вся такая правильная, что аж... тошнит!

– Тошнит – иди в ванную и суй два пальца в рот! А на меня орать нечего, я тебе не...

– Ладно, – проворил брат куда-то в стену, не поворачивая лица. – Ладно, прости. Сорвался.

– И давно ты в эту свою... рулетку играешь?

– Не очень. Месяца два.

– И за два месяца спустил двадцать тысяч долларов и еще сто тысяч рублей?!

– Спустил. Некоторые, кстати, за один вечер такие суммы проигрывают.

– А ты молодец, – похвалила Алька. – На целых два месяца растянул! Не то, что эти некоторые!

– Ну, не ерничай!

– Ладно. Что дальше-то? Тебя за деньги, значит, избили сегодня, да? За то, что вовремя не вернул?

– За это, – кивнул Пашка. – Понимаешь, этот мужик, который мне их одолжил, он... Он очень крутой и серьезный. Для него эти деньги мелочь, конечно, но он таких мелочей не прощает. Его ребята меня сегодня возле института поймали, в машину кинули и отвезли в подвал. То есть, это не совсем подвал, а... в общем, склад какой-то.

– Ты хоть видел, что за склад? Где он?

– Да видел. Я это место знаю, как раз в том доме, где казино «Звездная пыль»... И там со мной серьезно, – губы Палыча снова скривились в печальной усмешке, – поговорили. Дали срок – еще неделю. Если через неделю деньги не отдам, то...

– То – что? – спросила Алька упавшим голосом. Сердце билось где-то внизу, в районе желудка, и билось как-то подозрительно медленно. Как будто засыпало и собиралось вот-вот остановиться. Душу разрывало на части сложное чувство – злость и досада на брата и страх за него. Хотелось кричать на него, ударить, забить до смерти и... умереть за него.

Пашка на ее вопрос ничего не ответил – да и не обязательно было отвечать, и так понятно, что если эти двадцать тысяч долларов Палыч «крутому и серьезному» мужику вовремя не отдаст – в живых его просто не оставят. И хорошо, если сразу убьют, не став предварительно отрубать пальцы, уши и выкалывать глаза.

Ужас, ужас, ужас какой-то!..

– И что ты думаешь делать?

– Я думаю, – помолчав немного, серьезно ответил брат, – сваливать мне надо. И побыстрее. Другого выхода пока нет.

– Сваливать? Как это – сваливать? Куда?

– А за границу. В Испанию, например.

– В какую еще Испанию?! Почему в Испанию?

– А что? – Пашка покосился на сестру подбитым глазом. – У нас полподъезда в Испанию уехало, ты не знаешь? Позвоню Григорьевым, они там, под Барселоной, уже пятый год живут. Благоустроились, жилье в кредит купили. Приютят меня на первое время, помогут работу подыскать. На апельсиновой плантации, на стройке или... еще где-нибудь. Поживу год-два, денег заработаю, вернусь обратно... Ну, что ты так смотришь?..

– Дурак, – Алька покачала головой. – Какой же ты дурак все-таки, Палыч!

– Да почему – дурак?!

– Потому что! – рявкнула Алька. С грохотом опустив на пол чашку с недопитым чаем, она поднялась и прошлась по комнате. Дошла до окна, развернулась, вернулась к дивану. Потом снова к окну и снова к дивану. И так – раз пять подряд.

Пашка, насупив брови, молча и выжидающе на нее смотрел. Знал, что когда сестрица начинает совершать вот такие бессмысленные путешествия по комнате – она нервничает, а когда Алька нервничает, трогать ее нельзя. Только хуже будет!

– Значит, так, – сказала она решительно, перестав ходить. – Вся эта твоя идея насчет Испании – дурацкая. Ты это понимаешь, надеюсь?

– Не очень, – робко признался Пашка. – Почему она дурацкая?

– Потому что дурацкая! Тоже мне, эмигрант! Кому ты там нужен, в этой Испании? Григорьевы – они тебе что, родня? Соседи, которых ты пять лет не видел! Они уже и не помнят, наверное, как ты выглядишь, они и имени твоего уже не помнят давно! Апельсиновые плантации – придумал ведь! – Алька возмущенно фыркнула.

– Можно на оливковых, если тебя апельсиновые не устраивают!

– Меня никакие плантации не устраивают! Ни апельсиновые, ни оливковые. Ты о родителях подумал? А институт как же?

– Приеду – закончу институт...

– И ничего ты не приедешь! – от переполнявшего ее возмущения Алька даже стукнула кулаком по стене. – Не приедешь, потому что ты никуда не уедешь! Не уедешь – и точка! Все, забыли! Тебе вообще нельзя никуда уезжать! Неужели ты не понимаешь, ведь если ты деньги вовремя не отдашь, а сам смоешься... Они ведь могут с родителями что-нибудь сделать! Или со мной...

Брат смотрел на нее вытаращенными глазами. Видимо, такой вариант развития событий он как-то упустил из виду.

– Они ведь не знают адреса. Ни родителей, ни твоего...

– Не знают – так узнают! Эх, ты! В рулетку играть ума хватило, а до таких простых вещей додуматься не можешь!

– Алька, но что же... что же теперь делать?.. Как же?..

Алька снова уселась на пол, подняла глаза и посмотрела на Пашку снизу вверх. Вспомнила, как в детстве, когда Палычу было четыре, а ей – восемь, он нечаянно, заигравшись в комнате с мячом, разбил мамину любимую керамическую вазу. Тогда, четырнадцать лет назад, в глазах у него было то же отчаяние и та же надежда. И Алька, которая сама от страха готова была спрятаться в шкаф и просидеть там до конца жизни, достала из тумбочки тубик с клеем и целый час, пыхтя, склеивала вазу. Пыхтела, глотала слезы и успокаивала брата – все будет хорошо...

– Все будет хорошо, – повторила она, отвлекаясь от воспоминаний. – Мы отдадим деньги, и тебе не придется никуда уезжать. За неделю, думаю, можно успеть...

– Что успеть?

– Продать квартиру. Что же еще, по твоему?

– Как это – продать квартиру? Чью квартиру?

– Дяди Пети с третьего этажа! – язвительно проговорила в ответ Алька. – У него квартира большая, четырехкомнатная, за нее кучу денег дадут! А все его семейство временно

у вас поселим, раз такое дело! Эх, Палыч! Ну конечно, мы продадим мою квартиру! Чью же еще?

– Аль, ты чего придумала-то? Как же мы можем продать твою квартиру? А жить ты где будешь?

– Продать мою квартиру мы можем очень легко. Мне ее баба Таня оставила по завещанию, не помнишь разве? Это моя собственная квартира, и я имею полное право делать с ней все, что мне только заблагорассудится. В том числе и продавать ее. А жить я буду... Ну, некоторое время поживу где-нибудь... Сниму себе что-нибудь, или, в крайнем случае, к вам переселюсь. Ненадолго. А потом куплю себе однокомнатную. У меня же куча денег останется!

– Аль, ты с ума сошла? – предположил Пашка.

– Это ты сошел с ума, – напомнила Алька. – А я теперь пытаюсь устранить последствия этого твоего сумасшествия.

Они помолчали некоторое время. Потом Пашка подал голос:

– Скажи еще, что тебе одной все равно двухкомнатная была ни к чему.

– Ага, – ответила Алька. – Конечно, ни к чему. Зачем мне, одной, двухкомнатная? Ты лед-то не забывай к глазу прикладывать, я тебе зачем лед принесла? И чай пей!

– Я выпил уже, – хмуро сообщил Пашка.

– Еще налить?

– Да не надо мне ничего... наливать. Я... Алька, я...

– Ну что – ты?

– Я потом обязательно... Когда институт закончу и работать буду... Я тебе куплю квартиру! Новую! Где-нибудь в центре, на Ленинском проспекте! Большую, трехкомнатную!

– Ну конечно, – с видимой серьезностью ответила Алька. – Конечно, купишь. Обязательно трехкомнатную, и обязательно – на Ленинском проспекте. Я бы ни за что в жизни не стала жертвовать имеющейся жилплощадью, если б не была уверена, что за мою доброту и щедрость ты мне точно так же щедро не отплатишь! Я же тебе не дурочка какая-нибудь и не лохушка!

– Алька...

– Ну все, хватит. Сейчас... Сейчас уже поздно, – она посмотрела на часы, которые показывали начало девятого. – А завтра с утра поищу в газете номер телефона какой-нибудь риэлтерской фирмы и попрошу, чтобы как можно быстрее покупателя подыскали. Если, конечно, смогу найти риэлтерскую фирму, которая работает в воскресенье.

– А родителям что скажешь?

Алька пожала плечами:

– Моя квартира. Что хочу, то и делаю. Скажу, что в этой квартире полов было слишком много. Вот я и решила купить другую, в которой полов поменьше. Все ведь знают, что я терпеть не могу мыть полы. Что для меня, чем их меньше – тем лучше!

– Логично. Аль, ты точно решила? Не жалко тебе квартиру? Все-таки...

– А если тебя этот твой крутой и серьезный дядька пришьет в том самом подвале и в лесу потом закопает – думаешь, мне тебя не жалко будет? – перебила Алька.

Пашка в ответ на ее вопрос скривил физиономию.

Квартиру Альке, конечно же, было жалко.

Прежде всего, потому, что это была совсем не простая квартира. С ней у Альки были связаны самые теплые и самые светлые детские воспоминания.

Аромат пирогов, которые пекла каждое воскресенье к приходу внуков бабушка. Большие, пахучие, мягкие, покрытые блестящей светло-коричневой корочкой – с капустой, с грибами, с мясом – эти пироги она уплетала целыми днями, запивая их теплым молоком из большой синей кружки. Никто не умел печь такие вкусные пироги, как бабушка! Уже потом,

позже, когда Алька выросла, а бабушка стала совсем старой, та поделилась с ней секретом: оказывается, перед тем, как сунуть пирог в духовку, сверху его обязательно надо намазать тонким слоем меда. Если мед слишком густой – то с водой его перемешать, а если жидкий, и так сойдет. И сладковатый вкус, и блестящая коричневая корочка – все от меда!

Сказки по вечерам – долгие, неторопливые, замысловатые. Иногда бабушка рассказывала их сама, а иногда, надев очки с толстыми стеклами в роговой оправе, читала из книги. Алька до сих пор хранила эту книгу в старом, пожелтевшем от времени переплете. На выцветшей обложке – озерцо, заросшее камышами, лягушка с короной на голове держит во рту стрелу. И надпись красивым витиеватым шрифтом – «Русские народные сказки». Внутри, на истончившихся с годами страницах, множество волшебных и ярких рисунков, на полях некоторых страниц – смешные и важные закорючки, выписанные то карандашом, то шариковой ручкой. Это уже их совместное с братом творчество, за которое бабушка на Альку с Пашкой ужасно сердилась. Не по-настоящему, конечно, а в шутку. Бабушка вообще не умела сердиться по-настоящему, и Алька с Пашкой как-то очень быстро это пронюхали и стали использовать в своих целях...

Она умерла, не дожив всего недели до Алькиного девятнадцатого дня рождения. Ушла тихо, никого не побеспокоив. Жила тихо и умерла тихо...

И только через год Алька смогла заставить себя переселиться в эту квартиру из крошечной родительской «двушки», в которой им вчетвером давно уже было слишком тесно. А еще через полгода затеяла в ней ремонт, который не делался здесь уже лет пятнадцать. Денег на то, чтобы оплатить услуги рабочих, было немного, поэтому основную часть работы они вчетвером взяли на себя. Сами выравнивали потолки и стены, клеили новенькие обои, демонтировали старые дверные рамы, утепляли полы на лоджии, превращенной в эркер, укладывали паркет на пол и плитку на стены в ванной...

Целых четыре месяца делали ремонт – но оно того стоило!

Особенно здорово получилась спальня. Бывшая лоджия теперь была превращена в прекрасный будуар, полный цветов и солнечного света. Оставшаяся часть стены сверху покрыта овальной столешницей цвета орехового дерева, мелкий лепной орнамент над изголовьем кровати – Пашкина идея! – перекликается с декоративной штукатуркой на противоположной стене. Цвета мягкие, пастельные, не раздражающие глаз – от светло-бежевого до золотисто-желтого.

Красивый, уютный, дорогой сердцу уголок.

Конечно же, Альке жаль было с ним расставаться.

Но что теперь поделаешь, когда такое случилось? Разве в радость будет ей эта светлая спальня, эти цветущие на подоконнике фиалки, эта лепнина у изголовья кровати – если Палыча искалечат, а то и убьют за долги?

Алька отвлеклась от воспоминаний, коротко вздохнула и ободряюще улыбнулась брату:

– И вот еще что. На всякий случай тебя нужно будет спрятать. Мало ли, вдруг за неделю продать квартиру не получится. Или, например, им в течение недели вздумается еще раз тебя уму-разуму поучить... В общем, так: будешь жить у моей подруги.

– У какой еще подруги? – недовольно пробурчал в ответ брат.

– Он еще возмущается! – фыркнула Алька. – Нет, Палыч, я тебя точно убью! Я весь вечер тебя убить собираюсь, и все никак не могу решиться, но теперь, кажется, решилась!

– Аль, зачем мне жить у подруги? Я же тебе говорю, они адреса не знают...

– Узнают! Думаешь, так сложно узнать твой адрес? Или мой адрес? В адресное бюро пойти и узнать! Да им и адресное бюро не нужно! У них свои информационные каналы...

– Ну ладно, ладно, успокойся. Как скажешь... Где скажешь, там и буду жить. Раз ты считаешь... А подруга эта, она, думаешь, не против будет? Все-таки...

– Да ее сейчас нет. Повезло тебе, подруга моя, Ирина, только вчера как раз на две недели в Египет отдыхать уехала. А ключи от квартиры мне оставила, чтоб я цветочки там у нее поливала. Вот ты и займешься цветочками как раз. Она здесь недалеко, в соседнем доме живет. Будешь сидеть и из дома не высываться. До тех пор, пока я деньги за квартиру не получу... Понял?

– Понял, понял. Мне сейчас уже туда идти? – покоровшись судьбе, спросил Палыч.

– Сейчас не надо, – подумав, разрешила Алька. – Завтра с утра пойдешь. А сегодня у меня останешься. Нужно только родителям позвонить и сказать, что ты сегодня у меня, чтоб не волновались. А потом для родителей что-нибудь придумаем. Ну, можно, например, сказать, что ты решил некоторое время пожить у своей девушки...

– У какой из них? – хмыкнул Пашка. – У меня их четыре.

– Великий Казанова! – сердито сказала Алька. Потом, не выдержав, рассмеялась: – Ну, скажем, что живешь у всех четырех девушек по очереди. Это эксперимент такой, который поможет тебе наконец определиться с выбором... В общем, все это будем завтра, не сейчас. А сейчас звонить родителям и – спать! Я себе на полу постелю в той комнате, а ты...

– Давай лучше я на полу в той комнате, – героически предложил Пашка.

– Лежи уж! Куда тебе с твоими битыми боками на пол-то! Я уж потерплю одну ночь ради спасения любимого брата...

Долго уговаривать Пашку не пришлось.

– Ладно, – сказал он, задумавшись всего на секунду. – Как скажешь. Эх, Алька, и что бы я без тебя делал?

– Пропал бы, – согласилась она. – Без меня – пропал, это точно. Ладно, давай, звони родителям. Или... лучше я сама позвоню. А ты тут пока постель себе постели. Сам постелить-то сможешь? Или ты вообще двигаться не в состоянии?

– В состоянии, – ответил Пашка. – Я ведь сам, своими ногами, к тебе пришел!

– Своими ногами он пришел, – пробормотала Алька. На душе после того, как она придумала выход из жуткой ситуации, в которую попал брат, полегчало. И теперь снова захотелось взять, и надрать Палычу задницу – чтоб впредь не повадно было делать глупости! Наверное, если бы Пашка не выглядел таким несчастным, если бы не ссадина на лбу и синяк под глазом, она бы так поступила. Но бить битого было как-то... негуманно. Поэтому пришлось отложить порку до лучших времен.

После разговора с матерью на душе немного полегчало. Она изо всех сил старалась голосом не выдать своего волнения, и, кажется, у нее получилось. Мать, правда, удивилась слегка, что Палычу вздумалось вдруг переночевать у сестры. Алька соврала, что брат принес диск с фантастическим сериалом, и они будут вместе смотреть этот сериал до утра.

– Завтра же воскресенье, – напомнила Алька. – Днем отоспимся.

Она повесила трубку и едва успела отойти от телефона, как тот снова зазвонил. Зазвонил как-то тревожно и... угрожающе.

«Мама, – подумала Алька. – Что-то забыла...»

– Алло, – произнесла она в трубку и услышала в ответ женский голос, не показавшийся ей знакомым.

– Алла, это ты?

– Я...

– Привет, это Света.

Младший брат сидел на диване и, нахмурившись, смотрел на сестру. Алькина тревога, которую она не могла скрыть, передалась и ему тоже. Вроде бы, не было ничего необычного в этом телефонном звонке. И если бы не жуткая история, случившаяся с Палычем – Алька бы разговаривала сейчас совершенно спокойно и наверняка сразу вспомнила бы эту Свету...

– Какая Света? Извини, я...

– Ну, Света, с третьего этажа, Покровская Света! Не помнишь меня, что ли?

– А, с третьего этажа... – протянула Алька, вспоминая. – Помню, конечно. Извини, я просто сонная... не выспалась сегодня, голова плохо работает...

Палыч с дивана подавал Альке какие-то сигналы: мол, в чем дело, что за звонок, нужно уже начинать бояться или можно пока сидеть спокойно? Алька ободряюще улыбнулась, махнула рукой: бояться нечего, все в порядке!

«Интересно, – подумала она в этот момент. – Мы теперь все время будем так на телефонные звонки реагировать? До тех пор, пока вся эта история не закончится – все время?»

Света Покровская, которую с таким трудом вспомнила Алька, когда-то была ее приятельницей и соседкой по подъезду. Не подругой, а именно приятельницей – близких отношений между ними никогда не было, так, заходили друг к другу на чашку чая или кофе и иногда вместе ездили на метро на работу, потому что было по пути. Алька переехала из родительской квартиры два года назад, Светлана примерно через год после этого вышла замуж и переехала к мужу в Тушино, и с тех пор они не виделись. Пару раз, может быть, встречались случайно в подъезде, когда Алька приезжала навестить родителей, здоровались, обменивались дежурными репликами – и все на этом. Кажется, Алька даже не оставляла Светлане номера своего телефона. Хотя, может быть и оставляла, просто забыла.

– Как у тебя дела? – вежливо поинтересовалась Алька. – Мама говорила, кажется, ты вышла замуж?..

Альке не слишком сильно хотелось поддерживать разговор, не в том состоянии она сейчас была, но просто так отшить бывшую соседку было неудобно.

Светлана вместо ответа на ее вопрос неожиданно всхлипнула.

– Замуж... В том-то все и дело, в моем замужестве...

Далее последовала история, от которой у Альки мурашки пошли по коже!

Муж Светланы оказался настоящим садистом. Встречались они недолго, поженились почти сразу, не успев друг друга даже узнать как следует. Света влюбилась в своего красивого и богатого избранника с первого взгляда и была жутко счастлива, когда он предложил ей выйти замуж! Проблемы начались почти сразу после свадьбы, когда Света из своей однокомнатной квартиры переехала к мужу: он оказался страшно ревнив. Ревновал жену буквально к каждому столбу, ко всему, что движется! К любому мужчине в возрасте от пятнадцати до семидесяти лет, оказавшемуся в радиусе пяти метров от жены, и даже к женщинам! Ревновал и бил ее каждый раз так, что Света после этих побоев неделями не могла выйти на улицу. Но вскоре после свадьбы она забеременела и надеялась, что с рождением ребенка, о котором муж так мечтал, он успокоится, перестанет ее ревновать!

Однако вышло все совсем не так. В первый же вечер, как только Светлана с малышкой выписалась из больницы, муж закатил ей скандал с побоями. В результате она оказалась в больнице с сотрясением мозга. После выписки решительно заявила мужу о своем намерении развестись...

– И что ты думаешь?.. – рыдая в трубку, спросила Света. – Что, ты думаешь, он мне ответил? Он ответил – убирайся ко всем чертям, потаскуха грязная, а о ребенке и думать забудь! Представляешь, Алька, он хочет оставить девочку себе... Он хочет отобрать у меня ребенка!

Алька, и сама готовая уже разрыдаться под впечатлением от рассказа, неуверенно спросила:

– Но ведь существует закон, Света? Если ты подашь на него в суд, расскажешь, как он издевался над тобой все это время... Суд будет на твоей стороне, он не оставит ребенка с этим моральным уродом!

– Суд! – Света горестно всхлипнула. – Да что ты, Аллочка! У него все суды давно куплены! Как он скажет, так и будет! У него все и везде схвачено, за все давным-давно заплачено...

– Но что же делать? – озабоченно спросила Алька.

Пал Палыч, пристроившийся на диване в ожидании окончания затянувшейся телефонной беседы, уже успел заснуть. Жевал губами во сне и мирно посапывал. Алька, на минуту отвлекшись от всхлипываний приятельницы, подумала о нем с нежностью: «Ребенок... совсем ведь еще ребенок...». И, подумав, вспомнила вдруг со всей отчетливой ясностью о том, что случилось сегодня с Пашкой...

Сплошные беды и несчастья кругом! Сплошная злоба и ярость! Куда катится мир?!

Вопрос этот, конечно, был риторическим и ответа не предполагал в принципе.

– ... пойми, Аллочка, мне больше не к кому обратиться! Всех моих подруг – да их почти и не осталось у меня, подруг-то! – он знает наперечет. Я поэтому и вспомнила про тебя, ведь ты единственная, кого он ни разу в жизни не видел... Ты ведь переехала раньше, чем мы познакомились...

– Подожди, Света, я что-то не совсем понимаю... Чем я тебе могу помочь?

– Если я сейчас не уйду от него – не знаю, чем дело кончится. Он ведь убить меня может, понимаешь! Но уходить официально – это значит потерять ребенка, забыть о нем навсегда... А дочь для меня смысл жизни, понимаешь? Без нее...

Света снова заплакала. Алька не торопила, понимая, что успокаивать ее сейчас бесполезно, а слезы в некоторых случаях действуют на человека, как лекарство. Поплакал – и, смотришь, вроде бы на душе легче стало, хоть ничего и не изменилось.

– В общем, – наконец послышался в трубке хриплый голос несчастной Светланы. – В общем, я решила от него сбежать. У меня в Питере подруга живет... Зовет к себе, обещает и с жильем помочь, и с работой, и с деньгами на первое время... Если я туда уеду – он ни за что в жизни меня найти не сможет...

– Хорошая идея, – одобрила Алька. Она по-прежнему не понимала, чем может помочь Светлане, если уже нашлись в Питере подруга, которая предлагает ей помощь.

– Хорошая, – согласилась Света. – Только я ведь сразу туда поехать с ребенком не могу! Нужно сначала разведать обстановку, решить вопрос с квартирой, с работой, няню подыскать, а потом уже вести в Питер дочку! Кто знает, вдруг на самом деле все окажется не так просто?

– Сомневаюсь, – задумчиво ответила Алька, – чтобы твой муж отпустил тебя в Питер «на разведку»...

– Еще бы! – горестно вздохнула в трубку Светлана. – В том-то и дело, что мне уходить из дома нужно сразу с ребенком... Чтобы уже больше не возвращаться! А на время своей поездки в Питер я не могу дочку никому оставить – ни родителям, ни подругам... Никому, кроме... тебя!

– Кроме меня... – как автомат, повторила Алька.

В трубке воцарилось тяжелое молчание.

Так вот, оказывается, в чем дело! Света хочет на время своего отсутствия в городе оставить ей на попечение своего ребенка. Растерявшаяся Алька чувствовала, как бегут секунды, и не знала, что ответить. В принципе, наверное, ничего страшного не случится, если она согласится приютить у себя ребенка на несколько дней... Тем более, она сейчас все равно в отпуске, и на этот отпуск у нее нет никаких грандиозных планов. Кроме, разве что, продажи квартиры и спасения брата!.. Но ведь ребенок не может ей помешать? Или, все-таки, может? Вот ведь, как не вовремя обратилась к ней Света! Еще вчера она бы согласилась ей помочь, почти не задумываясь! Страх перед мокрыми пеленками и ночными кормлениями Алька

не испытывала – хотя никакого опыта ухода за младенцами у нее не было, она в принципе не сомневалась, что справится. Нет, дело совсем не в этом...

– Аллочка, я прошу тебя, – со слезами в голосе проговорила Света.

Алька вздохнула. Ну, как отказать? Не станет же она сейчас объяснять Светлане – чужому, в общем-то, для нее человеку – что ее брат задолжал каким-то «крутым и серьезным людям» двадцать тысяч долларов, что теперь его хотят убить и Альке нужно срочно заниматься продажей квартиры, чтобы этого не случилось!

– А... когда ты планируешь уехать? – осторожно спросила Алька, прощупывая почву.

– Вообще-то, я собиралась дня через два-три, – неуверенно ответила Светлана. – Понимаешь, мне тянуть с этим никак нельзя. Тем более, Олег что-то чувствует, о чем-то догадывается, мне кажется...

– Олег – это той муж? – спросила Алька. Спросила только для того, чтобы протянуть время.

– Муж, – ответила ее собеседница и замолчала в ожидании.

– А сколько ей... твоей дочке, месяцев? Или недель?..

– Вот буквально вчера месяц исполнился! Да она у меня очень спокойная, спит все время, с ней, Аллочка, никаких проблем! Кушает хорошо, никогда не срыгивает, газами в животике не мучается!

– Не срыгивает, – повторила Алька.

Нужно было решаться.

– Хорошо, Света, – сказала она, вздохнув. – Я... В общем, можешь привозить свою девочку ко мне! Ты адрес знаешь?

– Нет, – оживилась Светлана. – Адреса не знаю, я только знаю, что ты неподалеку от Битцевского парка живешь, мне мама твоя давно уже говорила...

– Записывай адрес, – велела Алька. – Значит, дня через три ты ее ко мне привезешь? И надолго?

– Нет-нет, что ты! Я туда и обратно... Ну, максимум дня на три!

Пока Светлана записывала адрес, Алька соображала: в принципе, через три дня, если очень постарается, она уже успеет продать квартиру. По крайней мере, взять залог – это уж точно! Жилье сегодня хорошо раскупается, только цену нужно приемлемую поставить и риэлтера хорошего, бойкого подыскать. Сразу из квартиры ее выселять не станут, хотя бы неделю ведь дадут на переезд! И даже если предположить, что Света в Питере задержится, она все равно успеет приехать до тех пор, пока Альке придется переезжать к родителям...

Голова у Альки шла кругом.

Ну и отпуск, подумала она. Самый яркий и запоминающийся отпуск за всю ее жизнь! Думала, будет целый месяц скучать под тоскливый аккомпанемент мартовской капли. А оказалось...

Повесив трубку, она долго сидела в тишине, прислушиваясь к тихому дыханию заснувшего на незастеленном диване брата. В окно стучали капли – то ли снег, то ли дождь, и ветер тихонько завывал, раскачивая голые ветки деревьев. В тусклом свете вечерних фонарей эти деревья казались какими-то загадочными, сказочными существами, заколдованными посланниками мрака...

Все будет хорошо, напомнила себе Алька. Главное – успеть до конца недели отыскать нужную сумму денег. Главное – спасти Палыча, а уж с ребенком она как-нибудь справится... Подумаешь – ребенок!

* * *

– Ничего, Тихон Андреич, не переживайте! Вот увидите, пройдет неделя-другая, и отеческие чувства непременно в вас проснутся! Вы свою дочку полюбите так, что просто жить без не сможете! – месяц назад пообещала Тихону няня, необычное имя которой он все никак не мог запомнить.

Называл ее все время неправильно – то Ладой, то Адой, то Аней, а имя Лана все никак не хотело приживаться в его памяти. Тихон злился, а няня с необычным именем реагировала спокойно, даже когда поправляла его в сто двадцать девятый раз. Нервы у нее были просто железные. И неудивительно – с обычными, человеческими нервами, на такой работе человек бы просто не выдержал!

В первый же вечер совместного проживания Тихон с няней заключили пакт о ненападении и поделили территорию. Няне досталась лучшая половина квартиры – гостиная и бывшая супружеская спальня с огромной кроватью, на которой она разместилась с ребенком. Кровать была настолько большой, что при желании на ней можно было разместить еще пару-тройку таких вот нянь и дюжину младенцев. Покупать детскую кроватку Тихон наотрез отказался, мотивировав свой отказ тем, что ребенок находится в квартире временно. Тихону же досталась половина квартиры, практически не пригодная для жизни – две комнаты, в которых шел ремонт. Одна из них по окончании ремонта должна была превратиться в его личный кабинет с кожаной мебелью, письменным столом и кучей оргтехники, другая – в комнату для гостей с широким диваном, телевизором и шкафом для одежды. Пока же ничего этого не было – ни дивана, ни телевизора, ни оргтехники, ни шкафа. А были только одни голые ободранные стены, от которых каждый звук отражался гулким эхом, и две раскладушки, на которых иногда ночевали задержавшиеся допоздна в квартире рабочие. Вместо телевизора – оконный проем и затянувшийся до бесконечности сериал под названием «Серое небо». «Серое небо» менялось, в зависимости от времени суток, на черное, голубое или розовое, в остальном же не было никакого разнообразия.

Тихон, скрепя сердце, терпел все эти неудобства, надеясь от всей души на то, что рано или поздно рабочие поймут совесть и закончат наконец ремонт, который длился уже без малого пять месяцев. Рабочие – это была отдельная грустная песня, и Тихон, у которого с появлением в квартире ребенка и без того нервы были на пределе, старался поменьше обращать внимания на их отлучки и неявки, справедливо рассудив, что толку от этого не будет никакого.

Территория, на которой проживала няня с ребенком, и территория, на которой поздним вечером и ночью обитал Тихон, а днем – полупьяные работяги, были отделены друг от друга большим холлом и кухней, что делало совместное существование если не приятным, то, по крайней мере, возможным. Одна беда – ванная и туалет были общими. Иногда, входя туда по утрам, полусонный, взъерошенный, с ломящими от непривычки спать на раскладушке боками Тихон натывался либо на запертую дверь, либо на младенца в компании давно уже бодренькой няни, обмывающей ему попу. В розовых, мокрых и щуплых ягодницах ребенка отражался свет потолочной лампы, на лице няни сияла улыбка, недвусмысленно намекающая на то, что нет в жизни большего счастья, чем отмыть по утрам эту розовую блестящую попу от какашек. От этого зрелища к горлу подступала тошнота, и общее состояние и без того расстроенного здоровья Тихона резко ухудшалось. Няня, увидев в ванной Тихона, заливалась радостным улюлюканьем:

– Это кто к нам пришел? Это папочка к нам пришел! Да! Папочка! А ну-ка, Юленька, давай поздороваемся с папочкой! Ну-ка, давай скажем папочке: привет, папочка!..

Папочка сверкал злобными глазами из-под насупленных бровей и уходил на кухню пить гадкий растворимый кофе. Она и в самом деле была какой-то странной, эта няня, полагавшая, что новорожденный ребенок по ее просьбе способен вдруг заговорить, начать здороваться с «папочкой»...

Или, может быть, это она так шутит?..

В любом случае, от слова «папочка» Тихона передергивало. Кофе казался кислым, небо за окном хмурилось, почистить зубы и побрить физиономию, не опоздав при этом на работу, было невозможно, и жить от всего этого просто не хотелось.

А хуже всего было в выходные. В выходные было вообще ужасно. Тихон старался поменьше времени проводить дома. То заседал на работе, поражая своим рвением подчиненных, то торчал у приятелей, ходил с ними в боулинг и бильярдную, а однажды даже от тоски поперся в Большой театр и два с лишним часа смотрел балет, к которому был более чем равнодушен и в котором разбирался примерно так же, как в письменности древних protoиндийских племен. Раньше Тихон и не подозревал даже о том, что выходные дни, в отличие от дней рабочих, имеют гораздо более длительную временную протяженность! Если понедельник, вторник или какая-нибудь среда вполне комфортно умещались в отведенных природой двадцати четырех часах, то суббота с воскресеньем, как казалось Тихону, тянулись часов сто. Или, может быть, двести.

Когда жены приятелей начинали недвусмысленно намекать на то, что гостям надоели хозяева, когда от бесконечного катания шаров перед глазами начинали уже летать мушки, приходилось идти домой. Отсиживаться до ночи на кухне или плескаться в ванной, которую, кстати, теперь «ни в коем случае нельзя!» было занимать надолго, Тихон не мог, поэтому приходилось, робко постучав в дверь когда-то любимой гостиной, заходить внутрь. И тут начинались «вечерние свистопляски», как называл про себя Тихон эти ежевечерние по выходным дням посиделки в кругу «семьи».

Если ребенок спал – это было настоящее счастье. Убавив до минимума громкость на телевизоре, Тихон, с удовольствием расположившись в уютном и мягком кресле, вытянув на пушистом ковре уставшие босые ноги, успевал посмотреть новости, а если уж совсем повезет – половину футбольного матча или пару-тройку раундов боксерского поединка. Но такое случалось крайне редко, гораздо чаще новости срочно прерывались ревом из-за закрытой двери, улюлюканьем няни и последующим «явлением» неразлучной компании. Ненавистное слово «папочка» взрывалось в воздухе водородной бомбой, младенец водружался к папочке на колени – «на минуточку, только на минуточку! Тихон Андреич, ну вы только посмотрите, какая она очаровательная! Какая замечательная девочка наша Юленька! Какие крошечные у нее ручки! А ножки! А пальчики! Да вы только посмотрите, Тихон Андреич!..»

Крошечные ручки были похожи на лягушачьи лапки и вызывали в душе содрогание. От созерцания крошечных пальчиков Тихон впадал в настоящую панику: не может, ну не может у человека быть таких маленьких пальцев! Этот ребенок просто больной, недоношенный, он родился, наверняка, месяцев на пять раньше срока! Тихон не находил Юленьку, которую продолжал упорно именовать «ребенком», ни очаровательной, ни замечательной, ни вообще какой бы то ни было. А нянюку в такие моменты ему вообще хотелось уволить. Уволить к чертям, чтоб впредь неповадно было заниматься тем, о чем ее никто не просит! Разве просил он ее заниматься «пробуждением» его отцовских чувств, разве за это платил он ей деньги? Хотелось не только уволить ее, но еще и ударить. Но няня, видимо, обладала каким-то звериным инстинктом самосохранения, потому что именно в тот момент, когда доведенный до отчаяния Тихон намеревался ударить ее или уволить, она забирала у него с коленей ребенка и, что-то там про себя напевая, уходила с ним обратно в спальню или тащила его на кухню. А, вернувшись, больше уже не клала на колени к «папочке», за что Тихон готов был ей ноги целовать.

Только однажды она не успела сделать этого вовремя. Ребенок уже лежал на коленях у Тихона какое-то невероятное количество времени – минуту, а то и больше! Терпение Тихона было на исходе, и он уже набрал воздуха в легкие для того, чтобы сообщить няньке о ее увольнении. Вдохнул – и выдохнул, не сумев сказать ни слова, потому что вдруг почувствовал, как подозрительное тепло разливается у него в области живота и течет дальше по направлению к коленям.

Ребенок описался у него на руках!..

Тихон даже выругаться не смог! Он сидел, хватал ртом воздух и думал о том, что нужно, наверное, поскорее подыскать и снять отдельную квартиру для няни с ребенком, что дальше так продолжаться не может, что совсем скоро он или сойдет с ума, или покончит с собой, а если не с собой, то с кем-то из этих двоих покончит – это уж точно...

– Ах! – всплеснула руками няня, по выражению его вытянувшегося лица, видимо, догадавшаяся, что случилось. И расплылась в своей идиотской улыбке: – Это что же ты у нас, хулиганишь? Хулиганишь, да, Юленька? Это кто папе брюки намочил, а? Это Юленька намочила, да?

– А кто же еще, по-вашему?! – взревел Тихон. – Кто же еще, кроме... Юленьки? Да заберите вы ее уже от меня, честное слово!

Няня с радостной улыбкой обещала постирать Тихону штаны и удалилась с ребенком в ванную.

А Тихон в ту ночь долго, очень долго вертелся на своей раскладушке, ворочался с боку на бок, все думал и думал – об одном.

Нет, не оправдались предсказания няни о том, что по прошествии двух-трех недель он полюбит ребенка. Уже четыре недели прошло, пятая была на исходе, а Тихон по-прежнему ничего, кроме раздражения и карябающей душу жалости к этому непонятному, слишком крошечному, слишком беспомощному, никому не нужному существу, не испытывал.

И еще, шевельнулась в ту ночь где-то на самом дне души, далеко-далеко запрятанная, грусть.

Грусть от осознания чувства собственной неполноценности отца, который не способен полюбить своего ребенка...

Так прошел февраль, наступил холодный март с мокрым снегом и скользкими дорогами. Ремонт в Тихоновой половине квартиры, который он затеял себе на беду от тоски, сразу после развода, потихоньку продвигался. Присутствие в квартире ребенка и посторонней, не большого ума, кстати, девицы, Тихона по-прежнему раздражало, и единственным позитивным моментом в ситуации было то, что Тихон потихоньку стал привыкать к своему раздражению. Он уже почти не чувствовал его и начинал верить, что раздражение – это вполне естественное, нормальное состояние человека, с которым он рождается на свет и живет всю жизнь, а спокойствие и умиротворение – это состояния души придуманные, существующие только в сказках.

Жизнь текла, как по написанному сценарию, повторяющемуся день за днем, скучно и однообразно. Однажды позвонила Наталья и обещала зайти как-нибудь, забрать какие-то диски с давнишними фотографиями для портфолио. Поинтересовалась здоровьем ребенка, и Тихон сразу повесил трубку, потому что знал, что сейчас начнет ругаться матом, а в кабинете в том момент находились женщины, при которых ругаться матом было неприлично.

Тихон ловил себя на мысли, что завидует всем вокруг. Прежде всего – мужикам, у которых нет ни бывших жен, ни детей. Завидует и тем, у которых есть бывшие жены, но нет детей. Сходит с ума от зависти к тем, у которых есть дети, но при этом есть еще и нормальные жены, которых они любят так же сильно, как и своих детей. А еще... Еще Тихон отчаянно завидовал медведям, которые способны на целых три месяца уйти в спячку. И сожалел, что

сам не медведь и поэтому не способен так долго и беспробудно спать, не имея понятия о том, что происходит в окружающем мире. Неплохо, очень неплохо было бы вырубиться месяца на три... Хотя бы на три месяца!..

Но все изменилось в один день.

В считанные минуты, или даже секунды.

В тот день был вторник, на улице стояла мерзкая погода. По серому небу плыли свинцовые тучи, в окно стучал то ли снег, то ли град. Тихон сидел на работе, в своем уютном, теплом и светлом, кабинете, изредка поглядывал в окно и изучал заказы, поступившие из магазинов на итальянскую мебель Анджело Капелли, официальным и единственным по стране дилером которой и была его фирма «Соната». Фирму он открыл семь лет назад не без помощи родственников со стороны матери, проживающих в Вероне, и не без денежных вливаний со стороны некоторых заинтересованных в этом бизнесе лиц. Уже через три года удалось фирму выкупить, а географию поставок мебели существенно расширить. Если сначала «Соната» сотрудничала только с несколькими крупными московскими магазинами, то теперь она поставляла мебель и в Питер, и в Самару, и Волгоград, и даже на Север, в Тюмень, чем Тихон особенно гордился. Работа ладилась и приносила Тихону не только большой доход, но и большое удовольствие. А в последние два года – с тех пор, как не заладилась семейная жизнь, работа стала для него панацеей от душевных страданий, которых Тихон в глубине души очень стеснялся и обзывал «бабской лирикой».

Факсов с заказами пришло в этот день много, и Тихон спокойно сортировал их, собираясь передать вместе со своими ценными директорскими указаниями старшему менеджеру по продажам. Телефон зазвонил как раз в тот момент, когда Тихон заканчивал формировать последнюю, третью стопку с факсами и уже собирался просить секретаршу принести ему кофе.

На столе у Тихона стояли три телефонных аппарата. Один внутренний, для связи с сотрудниками, два других – городские. Один из них – темно-красный «Панасоник» с радиорубкой – общий, для всех, соединенный с приемной интеркомом, другой – черный и строгий «Самсунг» – для личных или особенно важных звонков, которые, минуя секретаря, поступали непосредственно Тихону в кабинет. «Самсунг» на столе звонил очень редко, в последнее время так и вообще почти не звонил, поскольку его функции благополучно выполнялись двумя мобильными телефонами, расфасованными по карманам Тихонова пиджака.

Услышав переливчатую трель, Тихон некоторое время смотрел на телефон, лениво раздумывая, кто же это может ему по этому номеру звонить. Никаких предчувствий, никаких сигналов подсознания не было – Тихон взял трубку и спокойно, достаточно вяло произнес «Алло». А в ответ услышал:

– Твой ребенок у нас. Сообщишь в милицию – живым его не увидишь, понял? Сумму выкупа назовем вечером. Запомни: пикнешь – сразу уьем.

– Что?! – только и успел спросить Тихон, но ответа не получил: в трубке побежали противные торопливые гудки. – Что?! – снова спросил Тихон и вдруг услышал, как отчаянно забарабанила в оконное стекло дробь капель то ли дождя, то ли града.

Он долго еще смотрел на трубку, как будто ожидая, что прерванная связь возобновится, и незнакомый голос снова станет объяснять ему...

Объяснять ему что-то такое, чего он понять никак не мог.

Потом он положил трубку на стол и снова стал смотреть на нее, уже ничего не ожидая, а просто боясь почему-то пошевелиться. Ему казалось, что трубка сейчас взорвется. Взорвется трубка, а следом за ней – и весь офис, и весь мир взорвется к чертовой матери, потому что... Потому что случилось что-то страшное. Случилось что-то такое, чего не могло, не должно было случиться.

Почувствовав боль в пальцах, он разомкнул тесно сжатые кулаки и зачем-то поднес к глазам потные ладони. Пальцы дрожали – то ли от перенапряжения, то ли от физической слабости, вдруг охватившей всего его.

«Сообщишь в милицию – живым его не увидишь, понял?» – эхом прозвучали в памяти странные и страшные слова.

– Это же девочка, – подумал Тихон, не замечая, что проговаривает свои мысли вслух. – Почему «его»? Это же девочка... Юлька...

Услышав свой голос, он вздрогнул, и в этот момент почувствовал, как что-то огромное и ледяное с треском и грохотом обрушивается внутри него. Стало трудно дышать, в глазах защипало едкими и колючими слезами.

– Девочка, – повторил Тихон и вдруг заорал, что есть мочи, на весь кабинет: – Александра! Александра! Да сколько же можно...

И даже стукнул кулаком по столу. Ненавистная трубка подпрыгнула и едва не свалилась на пол.

Перепуганное лицо секретарши показалось в дверном проеме. Тихон онемел, увидев ее. Он просто не понимал, как она здесь оказалась.

Девушка, в свою очередь, с таким же непониманием смотрела на Тихона, и ее круглое, приятное и молодое лицо, вытягивалось от удивления.

– Вы меня... звали, Тихон Андреевич?..

– Нет, – коротко ответил Тихон. – Не звал.

Секретарша исчезла с той стороны точно так же тихо, как и появилась. И в тот момент, когда за ней закрылась дверь, Тихон вдруг со всей отчетливо осознал: Юльку, его дочь, кто-то похитил. И этот кто-то собирается убить ее – в том случае, если Тихон сообщит о похищении в милицию, или если Тихон не заплатит за Юльку денег.

Она же маленькая, подумал Тихон.

Она же такая маленькая. Недоношенная. Зачем же?.. Как же?!..

И вспомнились вдруг ее ручки, похожие на лапки маленького пухлого лягушонка, и крошечные пальчики с едва заметными ногтевыми пластинками, и влажно-розовый беззубый рот, и глаза, такого же темно-карего цвета, как у него, у Тихона, и пухлые ножки со смешными ступнями, которые его так раздражали, и мокрая розовая попа, отражающая свет потолочной лампы в ванной комнате...

Нет, тупо подумал Тихон. Нет, этого быть не может.

И еще долго стоял возле стола с деловитыми стопочками факсов. И все время повторял про себя: нет, нет, нет. Как заклинание – несмотря на то, что ни в какие заклинания не верил с самого раннего детства, с той поры, когда верить в заклинания еще полагается в силу возраста.

Из сомнамбулического состояния его вывел очередной телефонный звонок. На этот раз звонили по общему городскому номеру. Тихон подорвался с места, схватил трубку с базы, проорал «алло!» и услышал всего лишь голос секретарши:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.